

Анна Павловская

КУХНЯ ПЕРВОБЫТНОГО ЧЕЛОВЕКА

Как еда
сделала человека
разумным

Анна Павловская

**Кухня первобытного
человека. Как еда сделала
человека разумным**

«Автор»

2023

Павловская А.

Кухня первобытного человека. Как еда сделала человека разумным
/ А. Павловская — «Автор», 2023

Что сделало человека человеком? Какие особенности развития, поведения, взаимодействия с окружающей средой выделили его из животного мира? Какими путями обыкновенное млекопитающее пришло к исключительному положению на планете? В книге рассказывается о том, что одним из определяющих факторов в формировании человека и основ его существования стала еда. Можно сказать, что человек — это животное, научившееся готовить и тем самым сделавшее первый шаг в приручении природы. Эта книга посвящена пище древнего человека, способам ее приготовления и хранения, ритуалам, которыми сопровождался ее прием, связанным с этим традициям и верованиям и, конечно же, социальной функции еды. Написанная на разнообразном материале, она обобщает данные истории, литературы, этнографии, социологии, психологии, культурологии, антропологии. Книга является первой в серии книг, посвященный всемирной истории еды и традициям питания народов мира. История человеческой цивилизации - это по большей части история еды.

© Павловская А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Предисловие к серии	5
1. Общие проблемы изучения первобытного периода	8
2. Человек – животное, научившееся готовить	15
3. Укрощение огня	22
4. Древняя Кормилица всего сущего	30
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Анна Павловская

Кухня первобытного человека. Как еда сделала человека разумным

Предисловие к серии

На протяжении всего исторического периода своего существования человек гордился собой, и тому было много поводов. Он сделал то, что неподвластно ни одному другому живому существу на земле: покорил природу, приручил огонь, одомашнил животных и растения, изобрел самые разнообразные и совершенные орудия труда, создал разные виды жилищ, приспособленных к различным природным условиям, избороздил моря и океаны и даже покорил космическое пространство. Прагматические достижения не были единственной победой человека: он научился говорить и абстрактно мыслить, создал великие произведения искусства, причем в самых разных жанрах – живопись, литература, музыка, он сотворил различные науки и обобщил свои наблюдения над миром и собой в главной из них – философии. Немудрено, что на протяжении многих веков человек именовал себя царем природы, венцом творения и т. д.

В XVIII веке шведский естествоиспытатель Карл Линней вписал человека в общую классификацию растений и животных, слегка принизив его значение во вселенной, однако и этот несентиментальный ученый-естествоиспытатель назвал его *Homo sapiens sapiens* (человек разумный разумный), подчеркнув тем самым исключительность данного вида.

И действительно, силой своего разума этот разумный-разумный человек может достичь многого, в том числе преодолеть множество животных инстинктов, заложенных в него матушкой-природой миллионы лет назад, когда он еще не был столь разумен. Он может отказаться практически ото всего в этой жизни, кроме одного: как и любому другому живому существу на земле, для поддержания жизни ему надо питаться. Человек пытался бороться и с этим «животным» началом. Неслучайно многие религии считают, что высшего совершенства, благодати и близости к Богу можно достичь только через аскетизм, важнейшей частью которого является максимальный отказ от пищи. Однако преодолеть эту слабость полностью не мог никто, пища – основа существования человека, как и любого другого живого существа.

Так удивительно ли, что история человеческой цивилизации – это по большей части история еды. Она является основой истории человечества и ее главной движущей силой. Изначально именно способы приема пищи, овладение огнем для ее приготовления, усовершенствование орудий труда для ее добычи и обработки, создание культов для ее изобилия и удачи в ее достижении выделили человека из животного мира. С едой, точнее ее избытком, связано возникновение и развитие первых цивилизаций, появление социального и гендерного неравенства, разделения труда, рост населения, торговля, войны. Поиски еды дали стимул к территориальной экспансии человечества, к открытию новых миров. Пищевые различия стали важнейшей основой для мировых религий, а отказ от пищи лег в основу духовного подвига. Развитие техники, революции, научные открытия часто в основе своей имели именно древнейший инстинкт насыщения. Голод и изобилие меняли историю государств, разрушали их и создавали новые.

Однако, если бы еда была исключительно физиологической потребностью человека, он бы никогда не мог носить гордое звание «гомо разумный разумный». Прием пищи всегда находился в основе общественных и межличностных отношений, с ним связаны все важнейшие культы и ритуалы в жизни человека: рождение, свадьба, похороны. Еда и сегодня, когда нет проблемы добычи пропитания, пронизывает все стороны жизни человека, от экономических

и политических, до самых высоких и душевных: если романтический, то ужин, если дружеская, то посиделка, если семейный, то обед.

Еда – это важнейший фактор социальной, политической, экономической и культурной жизни человека. Она составляет базис международной интеграции и глобализации. Сегодня продукты питания используются как мощное орудие борьбы с противниками (еще бы, что может быть ближе и понятнее широким массам населения, чем запрет на определенные виды пищи). Ничто не создает такого негативного образа народа, как описание его неприятных пищевых привычек. С другой стороны, многие народы вполне осознанно, на государственном уровне, используют свои гастрономические традиции для создания позитивного представления о своей стране.

Еда завоевывает страны и народы и без оружия, она является проводником чужих идеалов и ценностей, вспомним распространение по миру фастфудов и разного рода новых видов питания, они появляются скромно и незаметно, внедряются во вкусы населения и только потом преобразуют традиции и образ жизни, а с ними и мировосприятие и идеалы. Достаточно только вспомнить изменения, которые претерпел традиционный завтрак в России (а Россия – страна достаточно консервативная в вопросах питания) – многие сегодня по утрам предпочитают еще совсем недавно неизвестные нам йогурты и мюсли, а улыбающиеся как в рекламе мамы вместо свежих молочных продуктов и традиционных каш, решительно пичкают невинных младенцев молочными десертами в глянцевых обертках.

Одновременно еда является и послом мира и культуры, это самый простой способ понять иную культуру, проникнуться ее духом, даже не выезжая из своей страны (большинство наших соотечественников, не имеющих возможности путешествовать, познает мир через новые продукты питания и рестораны, которые появились в нашей стране после падения «железного занавеса»). И те же фастфуды, вытесняя национальные традиции, объединяют людей в некое единое мировое пространство: все мы люди, все мы братья и мы едим одинаковую пищу.

Вместе с тем еда – важный фактор национального самосознания. Достаточно только вспомнить такие страны, как Италия и Франция, холящие и лелеющие свои пищевые традиции в противовес европейской глобализации. Даже англичане, всегда без особого пиетета относившиеся к своим кулинарным достижениям, в последние годы, когда вопросы национального единства в условиях всеобщей интеграции, в том числе и культурной, стали играть важную роль в обществе, все больше делают акцент на «Грейт Бритиш» – чае, бифштексах, фиш-энд-чипсах и других знаковых для страны продуктах.

Еда – способ поддержания и распространения Традиции с большой буквы, не только национальной, но и семейной. В эпоху непрочности семейных связей и разобщенности поколений бабушкины рецепты и воспоминания детства о семейных застольях и праздниках становятся проводниками семейной традиции и культуры в обществе. А в эпоху повсеместной мобильности и массовых миграций национальная еда нередко остается единственной связующей нитью с исторической родиной и не дает почувствовать себя безродным и лишенным корней.

Несмотря на современное разнообразие и изобилие, еда продолжает властвовать над умами человечества и влиять на жизнь людей. Достаточно только вспомнить массовое безумие XX века – диеты красоты, или возрождение и развитие идеи лечебного питания. Или загадки современной пищевой интеграции, когда в маленьком магазинчике в глуши лапландских лесов дешевле купить эквадорский мед или голландское варенье, чем продукты местного производства. А молодое поколение, многие представители которого рекламу пищевых продуктов воспринимают как фактор современной культуры, буквально растут на ней, знают наизусть, цитируют, как когда-то цитировали книги, а потом фильмы.

Культура еды, способы ее добычи, состав пищи, традиции ее приема продолжают играть центральную роль в жизни людей, влиять на самые разные аспекты их существования. Но чело-

век продолжает помнить, что это то единственное наследие животного мира, которое он не может преодолеть никакой силой. И продолжает стесняться столь низменной темы, составляющей столь важную часть его жизни. Может, именно поэтому он так охотно изучает самые различные аспекты истории своего существования, кроме одного – истории еды. В нашей стране это усиливается, мы исторически считаем себя культурно-ориентированными, «самая читающая страна», «родина балета», «Толстой и Достоевский – основоположники современной мировой литературы, а Станиславский – театрального искусства», это то, чем гордимся, что нам понятно. А рассуждать об истории и традициях питания как-то несолидно для серьезного ученого, ну если только он этнолог и изучает что-то далекое от современной жизни. Лишь отдельные смельчаки решаются вскрывать более глубокие научные аспекты данной проблемы, да и то достаточно узкие, в соответствии со своей специализацией. Чаще всего тему пытаются обозначить «научно», избегая таких недостойных слов, как «еда» и «пища».

Вот и стали многочисленные «истории такой-то кухни», в том числе и нашей, российской, достоянием дилетантов, собирающих распространенные в интернете байки и обильно пересыпающих их кулинарными рецептами.

Пришло время рассмотреть историю питания человечества на широком научном материале и разнообразных источниках. Причем как обобщить мировые тенденции, так и вписать национальные кухни в общий контекст. И не побояться назвать вещи своими именами, сколь бы приземленными (и насущными!) они ни показались. Именно такой амбициозной задаче посвящено это издание, обобщающее данные истории, антропологии, лингвистики, этнологии-этнографии, филологии, социологии и других наук. И создающее пеструю картину истории главного человеческого объединителя – еды.

1. Общие проблемы изучения первобытного периода

Начало человеческой истории теряется в глубине тысячелетий. Самый длительный исторический период, традиционно называемый в отечественной науке первобытным, является и самым загадочным. Главная проблема – в источниках информации. Важнейшими для историка, пытающегося восстановить картину далекого прошлого, являются данные археологии, которая располагает обилием человеческих и животных костей, а также каменных орудий; остальные предметы, относящиеся к данному периоду, представлены крайне скудно. Антропологи увлеченно занимаются систематизацией камней и костей по эпохам и воссоздают физический облик человека и его предков, мало интересуясь его духовным миром и образом жизни. Последнее в основном черпается из данных этнографии (или этнологии на западный манер), но вопрос о том, насколько наблюдения за аборигенами Полинезии или пигмеями Африки отражают жизнь первобытного человека, так и остается открытым.

Естественно, что в условиях столь ограниченных данных все, что связано с периодом первобытности, является поводом для дискуссий. Собственно, нет практически ни одного вопроса, кроме самого факта существования данного периода, который бы считался решенным. Само название и то вызывает споры. В западной литературе период называется «доисторическим» (prehistoric), а «историческим» он считается после появления письменных источников. Явления того времени определяются как primitive, по-русски и совсем неудобным «примитивный». У нас в стране понятие «первобытнообщинный строй» стойко ассоциируется с марксистской теорией социально-экономических формаций и потому отвергается некоторыми исследователями. Хотя и предлагаемая взамен «праистория» по-русски звучит не очень. Как бы там ни было, а именно термин «первобытное общество» чаще всего используется применительно к самому раннему периоду развития человечества.

Нет и единой точки зрения относительно времени появления человека на Земле. Последнее время прослеживается тенденция перенесения всех событий человеческой истории все дальше в глубь веков. Долгое время считалось, что древнейший человек появился 1,5–1 миллион лет назад, потом 2,5 миллиона, сейчас – и того раньше. Появление человека современного типа относилось ко времени примерно 40 тысяч лет назад, потом 60 тысяч, а теперь уже и 100, и 150, и некоторыми даже 300 тысяч. Более того, появилась некая политическая подоплека: разные регионы борются за «право» обнаружения более старых человеческих костей, чем у соседей. Абсурдно, но факт: одна из странностей нашего времени заключается в том, что стало как-то престижно быть «обладателем» находки какой-то более древней формы человекообразного существа, в идеале еще и присвоить ему имя своего региона.

Не вступая в дискуссии, в своей работе будем исходить из наиболее традиционных примерно 60–40 тысяч лет существования современного типа человека, времени вполне достаточного для выявления основных особенностей развития первобытного человека. Дело в том, что, хотя и сложный для описания и обсуждения, первобытный период крайне важен: это время формирования базовых явлений человеческой жизни, когда закладывались основы существования и развития «человека разумного», к которому мы себя причисляем по сей день. Начало отступления ледника 12–10 тысяч лет назад является верхней гранью описываемого в этой части периода и знаменует начало нового времени в истории человечества. Согласно археологической периодизации, это время верхнего палеолита (в просторечье – каменного века), согласно геологической – завершающий период вюрмского, или вислинского оледенения (на территории Восточной Европы к нему еще применяют термин «валдайское оледенение») четвертичного периода кайнозойской эры (уф!).

Несмотря на сложности изучения, есть несколько аспектов жизни древнего человека, которые довольно подробно описаны за последние два столетия. Классики марксизма утвер-

ждали, что человека из обезьяны сделал труд, именно поэтому в советское время большое место уделялось изучению эволюции (кстати, удивительно неспешной на протяжении сотен тысячелетий) орудий труда. Еще одна причина пристального к ним внимания заключалась в том, что именно орудия труда – практически единственное (не считая костей), что реально, зримо и ощутимо дошло до нашего времени от тех таинственных времен. Классификация, описание, периодизация орудий, произведенных древним человеком и его предками, составляет главное занятие археологов, изучающих доисторические времена. Значительное внимание уделялось и изучению захоронений древнего человека, прежде всего в аспекте магических и религиозных верований. Описывались также жилища и одежда древних, хотя и не столь подробно, как камни и кости.

Ф. Энгельс подхватил и сделал достоянием широкой научной (и не только) общественности идеи Г. Моргана и ряда других социологов в своем знаменитом труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Вслед за ним социологи, философы и этнологи последующих поколений уделяли пристальное внимание изучению общественных отношений древних людей, типам общин, в которых они жили, вопросам собственности и права, а также семейным и сексуальным отношениям в древнем коллективе. Культурологи и этнологи сосредоточились еще в XIX веке на древних верованиях, прежде всего магических ритуалах и инициациях, которые изучали на основании аналогичных традиций современных исследователей примитивных, как их называли, обществ аборигенов. Собственно, во всех этих построениях и реконструкциях древней жизни присутствовала изрядная доля фантазии, но именно указанные темы исторически стояли в центре внимания исследователей первобытности.

Во многом выделение этих тем, как важнейших при изучении древнейшего человека, справедливо. Безусловно, базовыми составляющими человеческой жизни были (и есть) поддержание жизни и продолжение рода. Большая часть духовных и общественных установлений связана для древнего периода именно с этими базовыми основами. В первом вопросе ученые сосредоточились на процессе производства орудий труда для добычи с помощью охоты продуктов питания, т. е. труде. Во втором – на вопросах половых и семейных отношений в древнем обществе. Эти две составляющие – труд и семья – стали основой для всех прочих построений: с ними связывают изменения в общественных отношениях, появление верований, магические ритуалы, да и эволюцию самого человека.

Вместе с тем исследователями глубокой древности практически полностью игнорируется важнейший вопрос, касающийся системы питания. Вскользь перечисляются животные, кости которых находят в тех или иных поселениях, а также изображения которых являются древнейшими произведениями искусства. Еще более бегло – возможные продукты собирательства, ввиду отсутствия материальных свидетельств. Несколько большее внимание уделяется овладению человеком огнем, но и здесь «застольные традиции» древних практически игнорируются, важнее оказывается тепло и возможность с его помощью отпугивать диких животных. Тема еды то ли слишком низменная, чтобы ею серьезно интересоваться, то ли слишком простая и повседневная, чтобы стать объектом научного исследования.

Вместе с тем вопросы, связанные с составом пищи древнего человека, способами ее приготовления и хранения, традициями и ритуалами приема пищи, представляются чрезвычайно важными. Социальная функция еды представляется ключевой для понимания процесса становления древних обществ, а многие традиции и ритуалы значительно более позднего времени, вплоть до современности, уходят корнями в то далекое прошлое. Понять их, не обратившись к истокам, чрезвычайно трудно.

Безусловно, судить о составе пищи, традициях ее приема и связанных с этим ритуалах и верованиях крайне сложно. Скудность материальных свидетельств по данному вопросу очевидна. Однако это не сложнее, чем восстанавливать семейные и даже брачные отношения того же периода, разбирать упорядоченные или беспорядочные сексуальные связи древних

людей, вопросы собственности в их коллективе, инициации мальчиков и девочек и прочее, чем успешно занимаются ученые вот уже более двух столетий. Возможно, эти темы имеют бóльшую притягательность в силу своей пикантности, однако история показывает, что застольные традиции приносили человечеству гораздо больше радости, чем многие другие, и способствовали установлению общественных связей не в меньшей степени, чем семейные связи. Да и семья испокон веков строилась вокруг очага, кормившего ее. Неслучайно понятие «семейный очаг» дошло до современности, хотя давно никакого очага уже и нет в жизни обычных семей.

Существующие источники и методы, выработанные учеными применительно к другим сторонам жизни древних людей, позволяют нарисовать вполне полную картину системы питания в первобытном обществе, выявить ее социальные функции и проследить некоторые традиции и верования с нею связанные. Что мы и попытаемся сделать ниже.

Несколько замечаний, касающихся получения данных по теме еды. Они вполне традиционны, хотя и имеют некоторые особенности. В первую очередь это данные археологии, основы основ для изучения каменного века.

Археологические данные представляются наиболее достоверными для изучения палеолита. Просто, но ясно писал об этом Д. А. Авдусин в своем ставшем образцовым учебнике «Основы археологии»: «Археологические источники содержат в открытом или скрытом виде информацию о деятельности людей. Они созданы людьми для удовлетворения своих потребностей, и их утилитарный характер является известной гарантией доброкачественности содержащихся в них сведений. Археологические источники по своей природе более достоверны, чем письменные, за исключением очень редких случаев... Не следует лишь требовать от археологических источников больше, чем они могут дать»¹. Другое дело, что именно ты ищешь в этих данных и хочешь найти. Самый простой пример: тот же Авдусин детально описывает модификации скребел, скребков, резцов эпохи позднего палеолита, предлагая различные версии их использования: для обработки шкур, изготовления изделий из кости или дерева и другие. Но ни разу не упоминается возможность использования найденных орудий для приготовления и приема пищи, хотя очевидно, что они должны были использоваться и в этих целях. Или известный археолог П. П. Ефименко, написавший еще в 1930-е годы фундаментальный труд «Первобытное общество», отмечает: «Применение того же кремня, наряду с костью и рогом, в изготовлении охотничьего вооружения – наконечников копий и дротиков, гарпунов, охотничьих ножей и кинжалов – явилось несомненно очень важным моментом в растущем совершенствовании средств охоты»². Само слово «нож» должно наводить на мысль о кулинарном назначении таких предметов, но всегда и везде рассматривается только смелая и романтическая охота, а не приземленная готовка.

В большинстве описаний поселений древних людей лишь вскользь упоминается устройство очагов, главное – их наличие, детали вроде как несущественны. Мало внимания уделяется камням, расположенным рядом с очагами и вообще в жилищах, а ведь они могли использоваться древними хозяйками во время готовки. Лишь по отдельным замечаниям удастся восстановить довольно интересную картину возможных способов приготовления пищи.

В последние годы зарубежные антропологи, биологи и палеонтологи занялись изучением сохранившихся зубов и костей древних людей, определяя по ним питательность поступавшей в организм еды, наличие в ней различных веществ, а также заболевания, связанные с питанием. Один из важнейших вопросов – различия между первобытным человеком и другими приматами в вопросах питания. Однако гомо сапиенс интересует их мало, исследования преимущественно обращены в глубокую древность к австралопитекам.

¹ Авдусин Д.А. Основы археологии. М., 1989. С. 8.

² Ефименко П.П. Первобытное общество. Л., 1938 (2-е изд.). С. 327.

Данные археологии дают хотя и весьма скудный, но вполне конкретный материал по истории питания. Эпоха палеолита практически не сохранила остатков еды, не дошли до нашего времени и изделия из дерева, кожи, коры, листья, которые могли использоваться при приготовлении и приеме пищи. Однако раскопки поселений, жилища и их структура, орудия охоты и труда, кости животных, раковины, наконец, пусть немногочисленные, но уже существовавшие в каменном веке произведения искусства – фигурки людей и животных, наскальные изображения, украшения орудий – все это дает возможность составить определенную картину быта и питания древнего человека.

Труднее судить о ритуалах и общественных традициях. Самый значимый материал по данному вопросу содержится в двух группах источников. К первым относятся уже упоминавшиеся наблюдения за народами, сохранившими традиционный уклад. Именно так в XIX веке исследователи восстанавливали картину семейных отношений и общественных отношений первобытных людей по образу жизни индейских племен Северной Америки, австралийских аборигенов, жителей островов Океании, южноамериканских индейцев. Материал этот был популярен среди зарубежных ученых и в XX веке, когда привлечение данных этнологии при изучении первобытного общества стало играть вторичную роль в связи с накоплением многочисленных данных археологии и размежеванием наук.

Народы эти называли первоначально «дикарями» и «примитивными», затем терминология все расширялась, появились «туземцы» и «аборигены», позже более аккуратные определения: «сохранившие первобытный уклад», «охотничье-собираТЕЛЬские», «коренные», «малые». В настоящий момент и вовсе начались политически корректные игры, когда индейцев Америки нельзя называть индейцами, а «коренными жителями Америки» (хотя, если на то пошло, они тоже пришлые, только раньше европейцев), а то и вовсе громоздким «америндианз» (в этом случае, видимо, стоит ввести и термины евроитальянцы, евронемцы, и уж точно – азия-китайцы, их много во всех частях света).

Как бы там ни было, если называть вещи своими именами, речь идет о народах с неевропейским типом развития. Но и не о тех азиатских народах, которые были известны европейцам с древнейших времен. А о тех «экзотических» народах, знакомство с которыми относится к эпохе Великих географических открытий (XV–XVII века), период, когда европейские путешественники активно (и порой весьма агрессивно) осваивали мир. Это время открытия Америки и Австралии, изучения неизвестных регионов Африки и Азии, многочисленных островов Океании и Карибского моря. Разнообразие племен и народностей, существовавших вне привычного европейцам мира, не могло не поразить их воображения. Одновременно с географическими открытиями шел все нараставший процесс накопления и развития научных знаний, так что неудивительно, что изучение и описание новых народов стало важнейшей задачей исследователей на несколько столетий вперед. Эти данные и легли позднее в основу исследований первобытной истории, образ жизни, поведение, верования и ритуалы «благородного дикаря» стали основой для понимания жизни древнейшего человека.

Признавая во многом справедливость данного подхода, хотелось бы отметить, что подобного рода племена жили, как правило, в регионах, значительным образом отличавшихся от тех, в которых проживали охотники палеолитической эпохи. Даже если предположить, что они «законсервировались» в своем развитии с древнейших времен (что представляется крайне сомнительным, и особый путь развития, а не отсутствие развития «малых» народов давно считается общепризнанным явлением), местные условия не могли не повлиять на их образ жизни. В вопросах питания это особенно заметно. Характер еды и традиции приема пищи островных народов Океании или южноамериканских индейцев значительным образом должны отличаться от питания палеолитических народов Евразии эпохи ледникового или даже межледникового периода. Возможно, именно поэтому эти проблемы были так мало изучены наукой вплоть до последних десятилетий.

Уже упоминавшийся автор «Первобытного общества» П. Ефименко в 1930-х отмечал, что «Наиболее отсталые общества современности, в особенности тасманийское, о котором сохранились некоторые известия от XVIII и начала XIX веков, при всей своей простоте представляют все же общественные образования, достаточно далеко ушедшие от первобытного строя мустьерской эпохи»³.

Однако есть крайне важный для исследования данной проблемы материал: этнографические описания народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока, а также других народов, входивших в состав Российской империи (и позже – в СССР). Материал этот уникален для тех, кто хочет восстановить быт и образ жизни древнего человека. Значительная часть этих народов либо искони проживала на этих территориях, либо переселилась из Средней Азии, Алтая, Саян, Прибайкалья. Все эти области издревле были заселены человеком (древнейшие стоянки здесь датируются более 100 тысяч лет), богаты археологическими памятниками эпохи палеолита, а следовательно, народы, проживающие на рассматриваемых территориях, в значительной степени являются потомками носителей древней культуры. В данном случае можно говорить не о перенесении модели современных явлений на явления древности, а о прямом сохранении древнейших традиций, традиций предков. Надо отметить, что благодаря огромной территории Сибирь даже и сегодня малонаселенна, но исторически здесь проживало большое число представителей самых разных языковых и культурных групп, хотя и небольших.

Освоение Сибири и Дальнего Востока русскими активно начинается с XVI века, а большинство коренных народов были «открыты» и того позже, т. е. практически до XVIII века они жили в полной изоляции от так называемого «цивилизованного» мира. Начиная с XVIII века российское правительство систематически отправляло научные экспедиции для изучения и описания народов Сибири, также как и других народов, входивших в состав вновь образованной империи. Позже эту традицию подхватило и советское государство, отправлявшее экспедиции в самые удаленные уголки страны. Безусловно, как и когда-то в случае с когортой ученых-путешественников елизаветинской Англии, отправленных в самые разные районы зарождавшейся империи, интересы правительства были отнюдь не бескорыстные. Потенциал и ресурсы новых регионов – вот что было главным при организации экспедиций. Но ученые для таких исследований отбирались лучшие, их тщательные скрупулезные заметки, составившие огромные тома, являются бесценным источником информации о жизни различных племен и народов Российской империи, в первую очередь – Сибири. Одновременно они оказывают неоценимую услугу при изучении образа жизни, традиций и повседневности древних народов, заселявших территории Евразии. Не экзотические островные племена, много веков проживавшие в тепличных условиях, а возможные потомки первобытных охотников и собирателей, проживающие в суровых условиях, близких к ледниковому периоду, несомненно, дают значительно более достоверный материал, во всяком случае касательно системы питания древних. К тому же описания, относящиеся к XVIII–XIX векам, застали эти народы еще в их первозданности, в тот момент они еще не подверглись влиянию русских переселенцев с их укладом и образом жизни.

В русской и советской исторической науке метод соотнесения данных этнографии на первобытную историю получил значительно меньшее распространение, чем в зарубежной. Отечественные исследователи начального периода человеческой истории предпочитали опираться на данные археологии, в крайнем случае – все на те же материалы, касающиеся австралийских, индейских или тасманийских племен. Думаю, здесь была некая деликатность, к тому же политически обусловленная, по отношению к жителям своей страны.

С. А. Токарев, автор известного исследования «Ранние формы религии и их развитие» (1964), основывает его на зарубежных данных: «Племенные культы известны нам главным образом по этнографическому материалу у народов Австралии, Океании, доколумбовой

³ Ефименко П.П. Указ. соч. С. 287.

Америки (остатки их местами в Америке держатся и сейчас), у народов Африки в той мере, в какой они не подверглись влиянию христианства или ислама; остатки племенных культов сохраняются – или до недавнего времени сохранялись – у некоторых более отсталых племен и народов Азии, в частности юго-восточной, южной, центральной и северной»⁴. А ведь он начинал как исследователь ряда сибирских народов.

Он же отмечает, что «культуры современных народов, даже самых отсталых, далеки от подлинной первобытности, и это надо сказать и о их верованиях: какими бы архаичными они ни были, они уже прошли большой исторический путь развития». Хотя он же и признавал, что «Если в веществе дуба, в его корнях, стволе, кроне тщетно было бы искать даже следы того желудка, из которого этот дуб некогда зародился, то в любой сложной религии, напротив, не так трудно обнаружить остатки самых примитивных, самых элементарных религиозных представлений»⁵.

Не меньший интерес при изучении бытовых традиций древности представляют и остатки традиций и верований, сохранившиеся среди тех, кто входит в понятие цивилизованные народы. Территории, заселяемые ими, являются и местом проживания древнейших людей (напомню, речь идет о последних 100 тысячах лет). В 1990-е годы британский ученый из Оксфордского университета провел ДНК-исследование так называемого «Чеддарского человека», останков мужчины, которые датируют VIII тысячелетием до н. э. Он также сравнил полученные данные с ДНК-анализом жителей соседней деревни и нашел два точных совпадения и одно почти точное. В 2013 году житель Австралии, чьи предки эмигрировали из этой деревни, прошел соответствующее обследование и также подтвердил свое генетическое родство с «чеддарским человеком»⁶. Это подтверждает тот факт, что, несмотря на многочисленные исторические общеевропейские переселения и экспансии, многие европейцы являются «коренными» жителями своих стран и регионов. Да и переселения эти совершались внутри все того же ареала проживания древнего человека.

Человек меняется неравномерно. История первобытности – хорошее тому подтверждение. Десятки, даже сотни тысячелетий, если считать всех «гомо», а не только «сапиенс», шло неспешное развитие орудий труда, зарождение зачаточной духовной культуры, общественных отношений. И так примерно до десятого тысячелетия до н. э., когда процесс изменений в жизни, культуре и даже облике человека стал стремительно нарастать. Любые деления на периоды и хронологии условны. Но в истории человечества принято выделять так называемые «революции», значительные изменения в хозяйственно-экономической жизни, повлекшие за собой перемены во всем укладе жизни людей. Их насчитывают три важнейших: аграрную (или неолитическую), промышленную (или индустриальную) и научно-техническую, начавшуюся в середине XX века. Все они тесно связаны с проблемой питания и сыграли огромную роль в истории еды, в том числе подробнее речь о них пойдет в других книгах. Но что касается второй, совпавшей хронологически с началом нового времени, и в еще большей степени третьей, современной нам, есть один важный момент, который часто игнорируют. Его можно назвать скоропалительным и все ускоряющимся процессом забывания прошлого, отмирания старого, потери исторической памяти. Трудно сказать, что стало причиной: технический прогресс, развитие науки, распространение материализма во всех областях знания, обязательное образование, введенное в подавляющем большинстве стран мира, глобализация общества, информационный бум и агрессия средств массовой информации, включая телевидение и интернет в последнее десятилетие.

⁴ Токарев. Ранние формы религии. М., 1990. С. 329.

⁵ Там же. С. 23, 47.

⁶ См. публикации в прессе: Nuthall K. There's no place like home, says 'son of Cheddar Man'. The Independent, 9 March 1997; Lyall S. Tracing Your Family Tree to Cheddar Man's Mum. New York Times, 24 Mar 1997; Rowe T. Fitting venue for Cheddar cave-man family get together. Western Daily Press, 28 May 2013.

И все-таки историческая память – вещь крайне живучая. Еще в XIX – начале XX века традиции и обычаи так называемых цивилизованных европейских и азиатских народов включали значительный пласт, уходивший корнями в глубокую древность. К счастью, большинство из них было зафиксировано различными науками, на волне распространившегося в то время увлечения своими истоками и особенностями развития. Дошли они до нас и в виде мифов и сказок народов Евразии, различных сохранявшихся длительное время обрядов, наблюдений путешественников, число которых неуклонно возрастало на протяжении последних двухсот лет в связи с появлением и развитием массового туризма. Таким образом, изучение «следов» древности возможно и на материалах данных современных народов, живущих на территории расселения палеолитического человека, его цивилизовавшихся потомков.

Более того, часть таких «первобытных следов» дожила и до нашего времени. Так, представляется крайне живучим то, что внушает страх, особенно необъяснимый. И вот современный человек – дитя прогресса и цивилизации, познавший высшую интернет-мудрость, плюет через плечо, рассыпав соль, гоняет черных кошек, стучит по дереву, чтобы не сглазить, и совершает иные странные поступки. Почему? На всякий случай! Кто его знает, что там и как, а лучше не рисковать. Конечно, есть более суеверные народы, чем другие, изучение их суеверий особенно плодотворно. К их числу, например, относимся и мы, русские.

Многие народы, которые трудно назвать отсталыми, имеющие долгую и яркую историю, сохранили древние традиции. Может, даже именно уважение к древности и поддержание старинных традиций являются одним из признаков подлинной цивилизованности? В любом случае человек наиболее консервативен в обрядовой стороне жизни (по сути те же суеверия) и в вопросах еды (привычка и вкус).

Вот, например, современные узбеки и вообще жители Средней Азии – региона, знаменитого своей богатой историей и культурой с древнейших времен. Некоторые исследователи называют Центральную Азию регионом, откуда шло заселение Европы, Сибири и Северной Америки. Культура приема пищи и связанные с ней ритуалы здесь чрезвычайно интересны и наводят на глубокие исторические параллели. Едят традиционно, как и многие другие восточные народы, сидя на земле, на полу, часто на шкурах, перед ними, на том же уровне, ставится еда. Едят руками, и это не признак варварства, а отражение сакрального отношения к еде, что касается гигиены, то чем собственные руки хуже, например, общепитовских вилок и тарелок? Гостеприимство имеет крайние формы – и по отношению к чужим, и к своим. Еда и питье – не просто насыщение, а проявление уважения, причем взаимного, гостям ставится все самое лучшее, но и гости не могут отказаться. А брачная церемония, во время которой жених обводит невесту трижды вокруг костра, чем не древнейший обряд? Возможно, именно так и заключались первые «браки»? Очевидно, что ритуалы с костром – древнейшие. Все эти традиции уходят корнями в глубокую древность, и анализ их позволяет восстановить кое-что из начальной истории традиций питания человечества.

2. Человек – животное, научившееся готовить

В отношении первобытных людей существует несколько устойчивых мифов, мешающих пониманию эпохи. Во всяком случае, в вопросах, связанных с приготовлением и приемом пищи. Существует некий, если можно так сказать, исторический снобизм. С одной стороны, исследователи пишут о том, что последние 30–40 тысяч лет человек практически не изменился: одинаковые физические данные, включая объем мозга, прослеживаются на протяжении всего периода. И вместе с тем тому, кого в науке называют человеком разумным, приписывают исключительно базовые инстинкты. Справедливости ради отметим, что такое отношение характерно по отношению к людям прошлого и в другие исторические эпохи. Желание насытиться, для осуществления которого создавали орудия труда и охотились, желание согреться, для чего сооружались жилища и шивались шкуры, еще кое-какие желания, ставшие основой общественных отношений. Да еще страх, породивший магические ритуалы, в конечном счете направленные на реализацию все тех же базовых желаний. Ничего не понимавшие, всего боявшиеся, жившие инстинктом, а не разумом, не имевшие эстетического чувства, – такими чаще всего предстают древние люди в исторических описаниях. О том, что они могли знать и уметь что-то лучше современного человека, и говорить не приходится!

Прагматичное насыщение ставится во главу угла традиций приема пищи древним человеком. Ни вкусовых предпочтений, ни радостей совместного приема пищи, ни разделения на праздничную и повседневную пищу, одна только потребность организма в насыщении и в получении различных питательных веществ, удовлетворяемая посредством приема того, что было послано в каждый конкретный день.

В вопросах древней кулинарии господствует представление о случайности как преобладающем способе открытий. Случайно обнаружили, что огонь меняет свойство пищи, случайно научились сажать растения, случайно обнаружили способность отдельных продуктов к брожению и так далее. Делаются предположения о том, как случайно попавшие в воду зернышки забродили, кто-то случайно попробовал эту «испорченную» жидкость, захмелел и таким образом открыл пиво. А жареное мясо было открыто на пепелищах лесных пожаров. И прочее.

Английский поэт и публицист начала XIX века Чарльз Лэм в своих знаменитых «Очерках Элии» (1820-е годы) живописует картину случайного открытия способа жарить мясо в древности. Интересно, что некоторые авторы, пишущие об истории кулинарии, приводят его рассказ как вполне возможный вариант реального развития истории, игнорируя авторскую тонкую английскую иронию. В своем «Слове о жареном поросенке» Лэм рассказывает о том, что люди «первые семьдесят тысяч веков своего существования ели мясо сырым, отдирая или откусывая его прямо от животного, как это принято и по сей день в Абиссинии». Ссылаясь на некую китайскую рукопись, он приводит историю сына свинопаса Бо-бо, который баловался с огнем и случайно сжег свое жилище («жалкий шалаш»), в котором находился «великолепный помет недавно опоросившейся свиньи».

«Вы поймете, – продолжает Лэм, – что Бо-бо оцепенел от ужаса не столько из-за сожженного жилища, – они с отцом могли выстроить его снова в любое время за час или два при помощи охапки-другой сухих веток, – сколько из-за утраты поросят. Пока он обдумывал, как он будет держать ответ перед родителем, и ломал себе руки над дымящимися остатками одного из этих безвременно погибших страдальцев, ноздри его стал осаждать аромат, подобного которому он еще нигде не обонял. Откуда он мог взяться? ... Уже некая влага предвкушения начинала распространяться по его нижней губе. Он не знал, что и думать. Но вот, когда он склонился над поросенком, чтобы ущупать его и проверить, не осталось ли в нем каких-либо признаков жизни, он обжег себе пальцы, а желая остудить их, по своей дурацкой повадке приложил их ко рту. Несколько крошек опаленной шкурки пристали к его пальцам, и впер-

вые в своей жизни (да, собственно говоря, и в жизни всего человечества, поскольку это ощущение не было дотоле известно никому) он познакомился с вкусом шкварок! И снова он принялся возиться с поросенком. На этот раз он не так обжегся, но все же продолжал облизывать пальцы как бы по привычке. Истина наконец озарила его медлительный ум: запах исходил от поросенка, и у поросенка был этот восхитительный вкус. Всецело отдавшись новооткрытому наслаждению, он бросился отдирать куски поджаренной шкурки с приставшим к ней мясом и самым зверским образом запихивать их себе целыми пригоршнями в рот, но в это время на курящемся пожарище появился его родитель, вооруженный жезлом возмездия, и одним взглядом оценив положение вещей, принялся осыпать плечи напроказившего юнца частыми, как град, ударами. Бо-бо обращал на них не больше внимания, как если бы то были мухи. Острое наслаждение, разливавшееся по нижележащим областям его существа, делало его совершенно нечувствительным ко всем неудобствам, которые он мог испытывать в тех отдаленных участках. Как ни усердствовал отец, ему никак не удавалось отбить сына от лакомого блюда, пока тот почти не прикончил поросенка...»

«С такой вот неприметной постепенностью, – заключает манускрипт, – самые полезные и, казалось бы, несложные познания проникают в человеческий обиход».

Ну и заключая всю историю шуткой (вдруг кто примет ее всерьез) Лэм пишет: «Не слишком доверяя приведенному источнику, мы все же должны признать, что, если вообще достижение какой-либо кулинарной цели считать достаточным основанием для столь опасного эксперимента, как поджигание дома (особливо в наши дни), единственным достойным поводом и извинением для такой операции может служить только одна вещь во всей гастрономии – жареный поросенок»⁷.

Картина первобытной жизни – примитивной, лишенной чувств и радостей, прагматичной, направленной исключительно на утилитарные цели и, ко всему прочему, лишенной всякого воображения – чаще всего складывается в научной литературе.

Вместе с тем совершенно очевидно, что, живя в окружении дикой природы, являясь частью ее, древние люди должны были знать и уметь что-то лучше, чем мы, дети цивилизации. Свойства трав и растений, повадки животных, изменения в погоде, связь между явлениями природы, которые мы сейчас можем и не представлять себе. Очевидно, что большинство их «случайных» открытий были, должны были быть, результатом труда, мысли, наблюдений, экспериментов. Чувство прекрасного сопровождало человека разумного на протяжении всего его существования, чему есть и прямые свидетельства в виде найденных украшений, которые отнюдь не всегда были оберегами или иными магическими предметами, наскальных рисунков, которые могли иметь и эстетическое значение, а не только утилитарное, связанное с охотой и добычей. Интересно, что найденные на палеолитической стоянке Мальта (Иркутская область) женские статуэтки все имели различные и красивые прически!

И еда не была просто способом наполнить желудок для поддержания жизни. Она была и способом получения удовольствия (а что еще? выбор удовольствий в то время был невелик). А значит, здесь неизбежны были эксперименты, попытки сделать что-то новое, интересное, чтобы доставить радость себе и окружающим. Должны были быть и ритуалы, и праздники, и традиции приема пищи – важнейшего занятия в жизни древних людей. Еда и в более поздние эпохи – важнейший объединитель людей, неременный атрибут взаимоотношений между ними, совместный прием пищи имеет сакральное значение. Естественно предположить, что традиции эти зародились в то время, когда человек – природа – питание были связаны неразрывной связью.

Что сделало человека человеком? Какие особенности его развития, поведения, взаимодействия с окружающим миром выделили его из животного мира? Какими путями рядовое

⁷ Лэм Ч. Очерки Элии. Л., 1979. С. 125–129.

млекопитающее пришло к совершенно исключительному положению на планете? Эти вопросы волнуют человечество с тех пор, как поколебалась его вера в божественное происхождение людей, когда их низвели в ранг отряда приматов, класса млекопитающих, типа хордовых.

Вопрос этот остается открытым, несмотря на обилие трудов и концепций на эту тему. Как и по другим аспектам существования древнейшего человека, все версии строятся на археологических останках из категории «кости-камни» и косвенных данных. Только в данном вопросе добавляется еще и крайне чувствительный и личностный элемент. Так, например, не всем нравилась получившая широкое распространение еще в XIX веке идея происхождения от обезьяны (впрочем, эту самую прародительницу обезьяну так и не нашли), да и вообще от любого другого животного. Столь большую чувствительность к научным концепциям высмеял Р. Л. Стивенсон в рассказе «Клуб самоубийц», вышедшем вскоре после появления дарвинской теории о происхождении видов и естественном отборе: один из персонажей решает свести счеты с жизнью, для чего вступает в клуб самоубийц, утверждая, что «ни за что не примкнул бы к клубу, если бы теория мистера Дарвина не показалась ему столь убедительной. – Мысль, что я являюсь прямым потомком обезьяны, – сказал сей оригинальный самоубийца, – показалась мне невыносимой».

На сегодняшний день существует множество теорий происхождения человека, включая естественную эволюцию, божественное происхождение и космическое – засылку человека на Землю инопланетянами.

Для тех, кто принимает концепцию животного происхождения человека, а их в настоящий момент большинство, возникает вопрос: что выделило гомо сапиенса из мира других млекопитающих и как он стал «разумным», проще говоря, что сделало человека человеком и чем он отличается от остальных животных. Марксизм просто и емко сформулировал это так: труд сделал человека. И сегодня это является одной из самых популярных концепций, в том числе и среди не-марксистов: сознательное изготовление и усовершенствование орудий производства было свойственно только человеку. Среди прочих факторов называют речь, абстрактное мышление, способность к творчеству и прочее.

Долгое время тот факт, что человек единственный из всех млекопитающих занимается приготовлением пищи, да еще и с помощью разных приспособлений, которые он добывает или изготавливает, игнорировался теми, кто занимался вопросами, связанными с происхождением человека. Авторитет Дарвина сыграл здесь не последнюю роль. Создатель теории естественного отбора лишь вскользь упомянул в качестве достижения овладение человеком огнем, что сделало возможным питание жесткими и даже ядовитыми в сыром виде корнями и растениями. Однако он не уделил приготовлению пищи человеком никакого существенного внимания, тем самым исключив это явление из биологического и эволюционного процесса. Еще один авторитет в области антропологии и этнологии К. Леви-Стросс хотя и считал приготовление пищи определяющей чертой развития человечества, афористично заявив – «Человечество начинается с кухни», придавал этому исключительно символическое значение, как внешний акт, знаменующий различие между человеком и животным миром.

Были, конечно, гениальные интуиции, но они не шли дальше афоризмов и парадоксов. Так, известный шотландский писатель и мемуарист XVIII века Джеймс Босуэлл в своем журнале о путешествии на Гебридские острова определил человека как «животное, которое умеет готовить» (по-английски звучит лучше – «a Cooking Animal»). У зверей есть память, суждения и в определенной мере все чувства и страсти нашего мозга, рассуждал Босуэлл, «но ни один зверь не является поваром»⁸. В то же время любой человек сам себе повар и всегда может приготовить себе что-то вкусное поесть.

⁸ The Journal Of a Tour to the Hebrides with Samuel Johnson, LL.D. by James Boswell. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/6018/pg6018.html>.

Французский философ, юрист, политический деятель и кулинар Жан Антельм Брийя-Саварен (Jean Anthelme Brillat-Savarin) в 1825 году опубликовал свой знаменитый трактат «Физиология вкуса, или трансцендентная кулинария; теоретическая, историческая и тематическая работа, посвященная кулинарии Парижа профессором, членом нескольких литературных и ученых сообществ». Надо ли говорить, что сегодня этот интереснейший труд знаком только специалистам, а на русский язык вообще практически не переведен. Брийя-Саварен рассмотрел гастрономические вопросы с самой серьезной и научной точки зрения, хотя и не без французской легкости и гурманства. Приготовление пищи он возвел в ранг искусства, причем древнейшего, так как «Адам наверняка родился голодным, а крики младенцев может успокоить только материнское молоко». Из всех искусств, утверждал Брийя-Саварен, именно готовка сослужила большую службу обществу, чем любое другое: «нужды кухни научили нас использовать огонь, благодаря чему человек покорил природу».

Он даже сделал ряд предположений, касающихся особенностей питания древних: плоды как вероятная пища первых людей, которые можно было добывать без орудий труда, затем, благодаря «инстинкту совершенствования, присущему человеческой натуре», человек стал производить орудия и перешел на мясную диету. Переход к мясной пище был закономерным процессом, так как «у человека слишком маленький желудок, чтобы фрукты могли доставить достаточное количество питательных веществ...»⁹. Интересно, что ряд современных исследователей, использующих разнообразные открытия и достижения современной науки, склоняется к подобной концепции, выдвинутой французским кулинаром в начале XIX века исключительно на основе собственных интуитивных построений и предположений.

Безусловно, тема еды сопровождала практически любые концепции, связанные с развитием древнего человека, но только вскользь, как нечто само собой разумеющееся и недостойное особого внимания и изучения. Так, Ф. Энгельс, рассматривая вопросы эволюции и становления человека, признавал, что «искусность в этом производстве имеет решающее значение для степени человеческого превосходства и господства над природой; из всех живых существ только человеку удалось добиться почти неограниченного господства над производством продуктов питания. Все великие эпохи человеческого прогресса более или менее прямо совпадают с эпохами расширения источников существования» («Происхождение семьи, частной собственности и государства»)¹⁰.

Только в конце XX века, на волне общего интереса к истории еды, стала признаваться и ее определяющая роль в формировании человека и основ его существования. Один из первых историков еды М. Симонс в 1998 году заявил, что «приготовление пищи – пропущенная цепочка..., определяющая человеческое существование. Я возлагаю вину за существование человечества на поваров»¹¹. Идея была развита во многих других трудах: «Приготовление пищи заслуживает своего звания одной из величайших революционных инноваций в истории не потому, что оно преобразует пищу..., а потому, что оно преобразует общество. Культура начинается там, где сырое делается приготовленным... Приготовление пищи... это способ организации общества»¹². Отечественные исследователи, прежде всего археологи, также обратились к данной проблеме на рубеже XX и XXI веков, но они всегда более осторожны в высказываниях: «Использование различных видов пищи способствовало усложнению социального поведения, формированию древнейших пищевых регламентаций, ритуалов, кодов, символов»¹³. Интереснейшая книга М. В. Добровольской «Человек и его пища»¹⁴, основанная на

⁹ Brillat-Savarin Jean Anthelme. The Physiology of Taste. Alfred A. Knopf, New York, Lonon, Toronto. 2009. P. 60.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф.; Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. М.: Политиздат, 1986. С. 25.

¹¹ Symons M. A History of Cooks and Cooking. Urbana and Chicago: University of Illinois Press, 1998. P. 5.

¹² Fernandez-Armesto, Felipe. Near a Thousand Tables: A History of Food. Free Press. 2004. P. 4.

¹³ Козловская М.В. Феномен питания в эволюции и истории человека. Дис. ... д-ра ист. наук. 2002. Заключение.

данных археологии, культурной и физической антропологии, посвящена определению места феномена питания в биологии и культуре предшественников человека и древних людей.

Идея влияния приготовления еды на формирование человека была подхвачена в 2000-х биологами и палеонтологами. Американский ученый британского происхождения из Гарвардского университета Ричард Рэнгем (Richard Wrangham) выпустил книгу с громким подзаголовком – «Как приготовление пищи сделало нас людьми»¹⁵. В ней он утверждает, что именно приготовление пищи сыграло решающую роль в эволюции человека, в особенности поедание запеченных на огне корнеплодов, поскольку полисахариды в крахмалосодержащей пище усваиваются в основном только в приготовленном виде. Это изменило систему усвоения питательных веществ, значительно повысило количество получаемой из еды энергии, что повлекло биологические и физиологические изменения, а самое главное – ускоренное развитие мозга, и где-то 1,8 миллионов лет назад сделало человека человеком.

У этой теории есть и сторонники, и противники. Но она, бесспорно, привлекла внимание ученых-естественников к проблеме, и в последние годы появилось множество работ, посвященных биологическим и медицинским аспектам питания древнейшего человека, а также влиянию состава пищи и ее питательности на биологическую эволюцию человека. Выдвигаются различные теории: человека человеком сделало потребление мяса¹⁶, регулярное потребление пищи, а не случайный перекус, как у других приматов¹⁷. Большинство исследователей сходится на том, что изменения в питании человекоподобных привело к заметному увеличению мозга и появлению собственно человека¹⁸.

В особенностях питания древнейшего человека много противоречий. Человек действительно выглядит странно и нелогично среди мира млекопитающих: голый, с довольно тонкой кожей, неприспособленной к холодам. Хищник, у которого нет никаких приспособлений для ловли животных – когтей, клыков, сверхбыстрых ног. Растениеядный, не имеющий приспособлений для выкапывания корней и переноски зерен и орехов (за щеку они не влезут, и зоба у него нет). Для того чтобы выжить, ему нужны были «помощники» – огонь, орудия для охоты, добывания и переноски растений, одежда для тепла, разного рода приспособления для приготовления еды. В этих условиях приготовление пищи не могло не стать одним из важнейших факторов развития человека и проявления его «разумности» по сравнению с окружающим животным миром, а может, и правда повлияло на формирование этой самой разумности, тут надо довериться биологам и медикам. Существование различных «помощников» является определяющим для примата рода «гомо».

Как ни странно, но определить само понятие «приготовление еды» (гораздо более емким является английское «cooking», вплоть до того, что можно вводить его как термин на русском – «кукинг») достаточно сложно. Очень много из того, что можно назвать этим понятием, существует и в животном мире. Ворона, найдя сухую корку хлеба, тащит ее в лужу, чтобы размочить и съесть. Некоторые виды хищных птиц, чтобы полакомиться мясом черепахи, сбрасывают ее с высоты на камни, разбивая таким образом панцирь. Медведи любят мясо с тухлинкой, они прячут убитую добычу в яму, закидывают ветками и ждут, когда она дойдет до нужной кондиции. Про обезьян и говорить нечего, они свободно пользуются палкой для сбивания фруктов

¹⁴ Добровольская М.В. Человек и его пища. М., 2005.

¹⁵ Wrangham, Richard. *Catching Fire. How Cooking Made Us Human*. Basic Books, N.Y., 2009.

¹⁶ Bunn H.T. Meat Made Us Human. In: *Evolution of the Human Diet. The Known, the Unknown, and the Unknowable*. Ed. by Peter S. Ungar. Oxford University Press, 2007.

¹⁷ Lucas P.W. Meals Versus Snacks and the Human Dentition and Diet During the Paleolithic. In: *The Evolution of Hominin Diets. Integrating Approaches to the Study of Palaeolithic Subsistence*. Edited by Jean-Jacques Hublin. Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, Leipzig, 2009.

¹⁸ См, например: Leonard W.R., Snodgrass J.J., Robertson M.L. Effects of Brain Evolution on Human Nutrition and Metabolism. *Annual Review of Nutrition*. 9 April 2007. P. 311–327.

или поедания меда из дикого улья. Таким образом, животные также обладают способностью воздействия на продукты питания с целью облегчения процесса поедания и усвоения.

Животные делают запасы на зиму, вспомним белок, лесных и полевых мышей и других. Имеют вкус – одни продукты любят больше, другие меньше. Голодная лиса будет есть старый хлеб на помойке, но гордо проигнорирует его при наличии более «вкусной» пищи – мяса, рыбы и прочего. Не едят вещи, которые не нравятся, – самый печально знаменитый (для человека) пример – это кошки и колбаса, даже голодная кошка отвернется от большинства видов современных колбас, хотя они и не являются ядовитыми, судя по реакции на них человеческого организма.

Безусловно, в животном мире существует и распределение пищи. Самый простой пример, конечно, – родители-птицы, которые кормят своих детенышей в гнезде. Однако многие млекопитающие распределяют пищу и среди членов общины. Так, белки совместно пользуются зимними запасами. А львы охотятся коллективно, а потом вместе поедают добычу. Более того, остатки добычи оттаскиваются от места охоты на территорию прайда, чтобы накормить оставшихся членов семьи. А в интернете недавно был описан случай, как в Танзании львы несколько лет кормили своего раненого собрата, который медленно умирал из-за того, что в детстве попал в металлический обруч¹⁹.

Словом, человеку в вопросах питания было не так просто выделиться из окружающего его животного мира. И все-таки, несмотря на сходство некоторых функций, существуют и принципиальные отличия. Ни одно животное не готовит свою пищу, не делает того самого «кукинга», который является прерогативой исключительно человека. Животное, убившее добычу с помощью поднятого с земли камня и съевшее ее на месте или даже на общей стоянке, разделив между сородичами, сырой, разорвав на части, а при отсутствии добычи утоляющее голод насекомыми, съедобными корнями и растениями, не является человеком.

Человек не просто использует, но и сам создает приспособления для добычи, переноски, приготовления и потребления пищи. Именно благодаря этому мясо смогло стать основой рациона древнего человека, что, если верить биологам, стало важнейшим фактором его совершенствования и развития. А термическая обработка мяса и продуктов растительного происхождения коренным образом изменила процесс усвоения питательных веществ, при этом растения, особенно корнеплоды, стали не просто заменителем еды на время охотничьих неудач, но самостоятельной составляющей пищевого баланса. Ну и наконец, в человеческом коллективе прием пищи стал регламентированным, не беспорядочным, сопровождался ритуалами и обрядами, даже отказом от определенных видов еды в некоторых случаях в магических целях (как, например, в случае с медвежьими лапами, которые находят на многих стоянках).

С появлением и развитием кулинарии, если можно применить это слово к человеку эпохи палеолита, еда стала более сытной и обильной. Приготовление пищи позволило использовать все части животного, которые раньше выбрасывались, более рационально использовать результаты добычи. Освоенные человеком способы консервации продуктов решали проблему питания в кризисные периоды.

Воздействие человека на пищу для ее преобразования носило сознательный характер, а не являлось использованием ситуации, как в тех случаях, когда птицы энергично поедают запеченные зерна, найденные на костревище. Они никогда не будут сознательно сыпать их в огонь для получения желаемого результата. И ворона, размягчая хлеб в луже, не создает новый вид пищи, а просто облегчает себе ее прием. И уж конечно, никто из них не станет использовать какие-либо приспособления не для добычи пищи, как шимпанзе палку, а для ее

¹⁹ Daily Mail Online. 23 December 2012. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2252528/Young-male-lion-rescued-wire-snare-trapped-round-neck-years-Tanzania.html>.

преобразования: перетирать зерна между камнями, сушить мясо на камне у костра, создавать лунки у очага, годные для запекания продуктов.

Это сознательное преображение пищи, помимо физиологической пользы от лучшего усвоения питательных веществ, сказывавшихся на физическом развитии человека, не могло не привести и к появлению вкуса к пище, стремлению ее разнообразить для получения удовольствия. Вкус, видимо, есть у многих животных, они часто предпочитают один вид пищи другому, но для них любимая пища это случай, везение, и только человек является его, вкуса, творцом.

Приготовление еды означает первый шаг в приручении природы, в подчинении ее могущества человеку. Он может не просто использовать ее дары, но и намеренно преобразовывать их по своему вкусу и желанию. Для этого он использует целый арсенал средств, большая часть которых либо произведена им самим, либо приспособлена под свои нужды. И самым важным, базовым и первичным среди них является огонь.

3. Укрощение огня

Считается, что предок человека стал использовать огонь где-то самое раннее 1,5 миллиона лет назад. Именно к этому времени относятся найденные на древних стоянках кострища. Однако нет подтвержденных данных о том, что уже в это время костер использовался для приготовления пищи. Зарубежные исследователи, во главе с уже упоминавшимся Ричардом Рэнгемом, утверждают, что использование огня с этой целью началось даже раньше, почти 2 миллиона лет назад. В отечественной литературе приводятся более осторожные данные, те, которые подтверждены достоверными находками: использование огня синантропом 300–500 тысяч лет назад²⁰, причем остается неизвестным, был ли огонь в то время природным или уже созданным людьми.

Первоначально использовался природный огонь: его подбирали на лесных пожарищах, приносили к месту поселения и поддерживали. Его переносили с собой и высоко ценили, это было главным богатством племени. Позже научились добывать огонь самостоятельно, самые распространенные способы известны по сей день: высеканием камня о камень, трением сухих веток. Несмотря на это, ценность и значимость его сохранялась.

Овладение человека огнем было событием эпохальным. Огонь дарил тепло, нес свет, продлил период бодрствования людей, защищал от враждебных хищников и надоедливых насекомых, использовался в загонной охоте, при обработке орудий из дерева. За ним ухаживали, его хранили и защищали общими усилиями. Он стал центром жизни древних людей, организовывал и сплачивал коллектив.

На огне готовили пищу, что значительно улучшило ее усвоение организмом и увеличило объем получаемой из еды энергии, обогатило ее новыми вкусами, сделало мягче и безопаснее для питания, удлинило период хранения. Приготовление пищи на огне также расширило ассортимент продуктов питания: известно, что с древности использовались продукты ядовитые в сыром виде, но становящиеся нетоксичными при готовке, такие как, например, льняное семя и маниока, до сих пор чрезвычайно популярные в Африке и Южной Америке. Огонь изменил общественный уклад жизни и сделал в прямом и переносном смысле непреодолимой пропасть между человеком и животным миром – ни одно животное не использует и не создает огонь, большинство, не считая прирученных домашних, таких как кошки или собаки, его боится. Он породил застольные традиции и обряды, если можно воспользоваться этим термином в ситуации отсутствия стола. С огнем связаны первые верования, магические действия, ему посвящены древнейшие мифы и сказания.

Вокруг огня собирались древние люди для еды – важнейшего действия в те времена, когда добывание пищи, ее поглощение и создание орудий для ее добычи были основным занятием. Современный человек хорошо знает, что живой огонь оказывает успокаивающее воздействие, наводит на размышления, будит фантазию. Он удивительным образом объединяет и сплачивает людей, что хорошо знают туристы: вокруг непроглядная ночь, таинственная, загадочная и всегда немного пугающая, даже для всезнающего интернет-поколения, в центре пламя костра, освещающее лица товарищей. В такой обстановке любая еда кажется вкусной, любое общение душевным, любой человек близким. При свете костра отлично рассказываются самые невероятные истории и создаются легенды. Скорее всего, древние люди испытывали схожие чувства, собравшись для трапезы вокруг очага.

Изучение жилищ древних людей показывает, что очаг являлся их центром. Самые древние люди жили в пещерах, и огонь, как правило, располагался у входа – это не давало дыму проникнуть внутрь, отпугивало животных, освещало пространство у входа. Часто отдельные

²⁰ Авдусин. Указ. соч. С. 23; Алексеев В.П., Першиц А.И. История первобытного общества. М., 2007 (6-е изд.). С. 106.

очаги находились и снаружи, для производственных целей. В Евразии такие поселения относятся к ашельскому и далее мустьерскому периодам, последний завершился где-то 30 тысяч лет назад. Поселения такого рода встречаются в Западной Европе, Северном Кавказе, Казахстане, на Ближнем Востоке, Корее, Индии.

Период позднего палеолита, начавшийся 35–40 тысяч лет назад, приходится на вюрмское (на территории нашей страны оно называется валдайское) оледенение, однако климат был неустойчив и холода сменялись периодами потепления. В это время человек заселяет территории, удобные для охоты. Прежде всего, где есть места для водопоя больших стад. На территории нашей страны это среднее течение Дона, Днепра, Днестра, Енисея, берега Ангары. Заселяются также регионы Крайнего Севера, такие как Якутия, Забайкалье, район Печоры.

К этому периоду относятся многочисленные находки стоянок, где преобладают два вида жилищ. Самый распространенный тип – круглая землянка, наземная или углубленная, поперечником 4–5 метров, судя по всему напоминавшая известные нам чумы и яранги. Опорой служили кости диких животных, часто мамонта, перекрывали их шкурами все тех же животных. В центре – очаг. Очаги встречаются также и вне жилищ и предназначались, видимо, для разного рода хозяйственных целей. К такому типу относятся, например, жилища на крупных позднепалеолитических стоянках Гагарино на Дону, Мальта на реке Белой в Иркутской области, Костенки в Воронежской области. В последней обнаружено и жилище второго типа: большое, вытянутое метров на 35, с очагами, расположенными в линию по центру.

Во всех этих жилищах очаги часто находятся в углублениях, к очагам нередко примыкают ямки, предназначенные для приготовления еды, ее запекания. Внутри находятся различные ямки, которые использовались как хранилища, встречаются остатки хозяйственной деятельности, украшения. Именно эти два типа жилищ были распространены повсеместно в рассматриваемый период существования первобытного человека современного типа. И во всех случаях очаг являлся центром, собиравшим вокруг себя древних обитателей.

Многие традиции, связанные с огнем и, скорее всего, зародившиеся именно в те далекие времена, дожили практически до наших дней, причем в самых разных культурах²¹. Так, у восточных славян почти до нашего времени сохранились пережитки древнего культа огня, отголоски слышны и сегодня. На протяжении многих веков соблюдалось два важнейших правила: не разгневать огонь и сохранить его чистоту. В связи с этим существовало множество запретов, например плевать и мочиться в огонь, копаться в нем палкой, бросать нечистоты и прочее (принципы эти в основном были разрушены в атеистическую советскую эпоху, когда один из вышеуказанных способов стал «старым туристским средством» загасить огонь в походе). Разгневавшийся огонь мог наслать болезни: на всякий случай старались не жечь в печи волос (чтобы не болела голова) или экскрементов (из боязни корчей и судороги). При разжигании огня в сумерки нельзя было ссориться – это считалось к несчастью. У белорусов и украинцев вообще существовал запрет сквернословить в доме, мотивировалось это тем, что «печь в хате». Нельзя было гасить огонь, затаптывая ногами, поэтому крестьяне нередко оставляли костер непогашенным, несмотря на угрозу лесных пожаров²².

Подобно тому, как первобытные племена переносили с собой огонь, переселяясь на новые места, у восточных славян существовала традиция переносить с собой в новый дом огонь из старого очага. У белорусов при переезде глава семьи брал горячие угли в горшке, нес их в новый дом и торжественно обходил с ним вдоль стен, потом высыпал угли в новую

²¹ Детально рассмотрел многие обряды, связанные с огнем Дж. Фрезер, см.: Фрезер Дж. Дж. Золотая ветвь. М., 1980. Главы LXII, LXIII.

²² Зеленин Д. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 130–132; Байбурин А., Топорков А. У истоков этикета. Л., 1990. С. 134.; Байбурин А. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С. 166.

печь, и только после этого перевозили все остальное²³. Традиционно печь никогда полностью не гасили, всегда поддерживали горячие угли, чтобы их можно было раздуть в любой момент.

Волшебными способностями наделяется в народных сказках кремневое огниво, предмет, уже сам по себе создающий чудо – огонь. Причем древнейшим способом – высеканием искры с помощью камня. В русской сказке «Елена Премудрая» огниво герою дарит шестиглавый змей, с его помощью Иван поджигает то степь, то море (237)²⁴. Но еще чаще огниво вызывает помощников героя, добрых молодцев, выполняющих за него всю черную работу. Или топор и дубинку, строящих герою дворец, «чтоб было что поесть-попить!» (286).

В знаменитой сказке Андерсена «Огниво», являющейся литературным изложением народной сказки, огниво солдат получает с помощью старой ведьмы, очень сильно напоминающей нашу Бабу-ягу – «безобразная, противная: нижняя губа висела у нее до самой груди». Огниво обладает способностью вызывать собаку с глазами, словно чайные чашки, а та выполняет любые пожелания солдата. Огниво высекает огонь, а прирученный огонь является верным помощником человека, осуществляющим любые чудеса, – таков смысл, вкладываемый в сказочные сюжеты.

Еще в начале XX века различали четыре вида огня, явно отражавшие первобытные представления и верования. Самым чистым и благотворным считался огонь, добытый трением двух кусков дерева, т. е. древнейшим способом. Его зажигали во время бедствий – эпидемий, болезней скота, больших пожаров. Гасили все огни в деревне, как «оскверненные», получали новый трением и разносили по всем домам. Этот огонь тщательно берегли и хранили в очагах. Огонь, получаемый высеканием с помощью огнива, был тоже благотворным, хотя и менее значимым, чем первый, использовался в обрядах и праздниках, например белорусами во время свадебных церемоний. Огонь от спичек считался обыкновенным, спички можно было передавать кому угодно. А вот своим, домашним, огнем, полученным первыми способами, делиться считалось опасным, с ним можно было передать другому счастье и благополучие своего дома. Наконец, огонь от молнии считался страшным огнем, по поверьям, его нельзя было загасить водой, только молоком и хлебным квасом (интересно, кому-нибудь это удавалось сделать таким неэкономичным способом?). Вносить такой огонь в дом было опасно²⁵.

Сергей Максимов, бытописатель и этнограф второй половины XIX века, в своей книге «Нечистая, неведомая и крестная сила» о суевериях русских людей отмечал, что так называемый «живой огонь», полученный путем трения, ценился высоко и почитался в народе, потому что считался «свободным, чистым и природным»: «Вообще, как мера борьбы с болезнями, живой огонь в большом употреблении. В одной деревне, например, умирал народ от тифозной горячки, и крестьяне, чтобы избавиться от нее, задумали установить праздник, положивши чествовать Николу Угодника. Собрались они всей деревней, от мала до велика, и положили тушить в избах все огни до последнего уголька... При этом мужики строго-настрого наказывали бабам не сметь топить печей, пока не будет приказано, а сами притащили к часовне два сухих бревна, прикрепили к одному рукоятку, как у пилы, и стали тереть одно бревно о другое... промеж бревнами, в щели, вспыхнулось как бы малое-малое пламя, и огонек обозначился».

Обряд возжигания чистого огня традиционно сопровождался пиршеством всей деревни, а порой заканчивался и вполне первобытными безобразиями: «Подхватили его на сернички, подложили огонь под костер, разожгли, – стали через огонь прыгать по-козлиному, а стариков и малых детей на руках перетаскивали. Разнесли потом огонь по домам; затопили печи;

²³ Зеленин. Восточнославянская этнография. С. 131.

²⁴ Русские сказки, если нет отдельной сноски, приводятся по изданию: Русские народные сказки А.Н. Афанасьева. В 3-х томах. М., Наука, 1984–1985. В скобках дается сквозной порядковый номер сказки по этому изданию.

²⁵ Зеленин. Восточнославянская этнография. С. 131.

напекли-нажарили. Затем подняли иконы, позвали священника, пригласили всех духовных: стали молиться. За молебном начали пировать, безобразить в пьяном виде на улицах и бесчинствовать до уголовщины: соседку помещицу за то, что она не послушалась мирского приговора и затопила печи, не дождавшись общественного огня, наказали тем, что выжгли всю ее усадьбу – с домом, службами, хлебными и всякими запасами»²⁶. Наказание за нарушение древних обычаев было суровым.

Такого рода отношение к огню – трепетное, священное, боязливое – было еще в большей степени распространено среди народов, долгое время сохранявших первобытный уклад. У народов Крайнего Севера Сибири (нганасан, ненцев, кетов, эвенков и других) огонь считался главной семейной святыней. Передавать его можно было только членам своего рода, точно так же и брать огонь у чужих было запрещено. Во время перекочевков огонь, с соблюдением различных ритуалов, бережно перевозили с собой. Огонь очага берегли от осквернения, запрещали бросать в него мусор, шишки («чтобы не залепить бабушке смолой глаза» – эвенки), касаться огня чем-либо острым, лить в него воду. По огню гадали об удачной охоте, через него общались с предками, а также с «хозяйкой тайги». Считалось, что огонь обладает очищающими и целебными свойствами, его широко использовали в религиозных, обрядовых и лечебных целях: обводили вокруг огня невесту, обносили родившегося младенца, перешагиванием очищались после похорон. Важной частью главного годового оленьего праздника чукчей было разжигание большого священного огня, возле которого прогоняли стадо оленей для их очищения²⁷.

Хакасы, проживающие в Южной Сибири, считали, что огонь в очаге охраняет дом от злых сил, приносит удачу и богатство его обитателям. Пожары объясняли обидой огня на хозяев, несоблюдением каких-то правил. Запрещалось тыкать в огонь острыми предметами, бросать мусор, лить нечистоты²⁸. В популярной назидательной селькупской сказке (селькупы – жители Севера Западной Сибири, раньше их называли остяками-самоедами) рассказывается о неразумной женщине, которая изрубила огонь топором и залила водой за то, что на ее младенца попал уголек. Расплата была страшной – огонь погас во всем стойбище, и чтобы вернуть его, женщине пришлось отдать огню своего ребенка.

Огонь может наказывать, а может одаривать. В русской народной сказке «Василиса Прекрасная» злая мачеха с дочками нарочно погасили весь огонь в доме, чтобы отправить Василису на погибель к Бабе-яге. И после ее ухода не могли разжечь огонь, как ни пытались: «сами высечь никак не могли, а который огонь приносили от соседей – тот погасал, как только входили с ним в горницу». Василиса принесла подарок Бабы-яги, Хозяйки леса, – огонь в черепае, который наказал зло, к тому же осмелившееся использовать огонь и Бабу-ягу в своих целях, но пощадил сироту, проявившую скромность и храбрость: «Внесли череп в горницу; а глаза из черепа так и глядят на мачеху и ее дочерей, так и жгут! Те было прятаться, но куда ни бросятся – глаза всюду за ними так и следят; к утру совсем сожгло их в уголь; одной Василисы не тронуло» (104).

Среди самых разных народов мира до совсем недавнего времени сохранялась вера в магическую способность огня отгонять злых духов. Так, в Европе огонь считался главным средством борьбы с духами и ведьмами. Нормандские поселенцы в Исландии разводили костры вокруг тех мест, которые они собирались занять, чтобы очистить их от зла. В Скандинавии около некрещеного ребенка постоянно горел огонь, чтобы тролли его не заколдовали. В Болгарии зажигали свечи в стойлах, чтобы злые духи не вошли в домашний скот. Целая коллекция

²⁶ Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903. С. 208–209.

²⁷ Северная энциклопедия. М., 2004. С. 466.

²⁸ Бурнаков В.А. Дух огня в религиозно-мифологической системе хакасов. Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IX, ч. II. Новосибирск, 2002. С. 31–33.

подобных верований содержится в работе известного английского этнографа и культуролога Э. Тайлора «Первобытная культура»²⁹.

Для древнего человека свет огня его костра создавал безопасное пространство, вне которого существовали невидимые для него и чаще всего враждебные, во всяком случае так обычно представляется в темноте, силы. Это были и реальные существа – дикие животные и птицы, жившие по соседству с человеком, и ночные шорохи деревьев, и просто таинственные звуки, возникавшие непонятным образом. Ото всего этого – реального и созданного воображением, а в рассматриваемую эпоху оно уже у человека было, судя по сохранившимся памятникам древнего искусства, – огонь был единственным спасением, дававшим чувство безопасности.

Огонь важно было хранить. В древности это было вызвано практическими соображениями. Даже при умении высекать огонь или добывать его трением делать это непросто, особенно во влажных или холодных условиях. Погасший огонь был бедствием для первобытного коллектива. Может быть, поэтому в народных сказках герой частенько оказывается в ситуации, когда ему нельзя спать, это приносит ему несчастья. Если древний страж засыпал, огонь мог погаснуть, важно было бодрствовать и постоянно поддерживать его.

Популярный в свое время роман французского писателя Жозефа Рони – старшего о доисторическом прошлом человечества «Борьба за огонь» (1909) посвящен теме освоения людьми огня. Начинается он с катастрофы: «В непроглядную ночь бежали уламы, обезумев от страданий и усталости; все их усилия были тщетны перед постигшим их несчастьем: огонь был мертв! Они поддерживали его в трех клетках. По обычаю племени четыре женщины и два воина питали его день и ночь.

Даже в самые тяжелые времена поддерживали они в нем жизнь, охраняли его от непогоды и наводнений, переносили его через реки и болота; синеватый при свете дня и багровый ночью, он никогда не расставался с ними. Его могучее лицо обращало в бегство львов, пещерного и серого медведей, мамонта, тигра и леопарда. Его красные зубы защищали человека от обширного страшного мира; все радости жили только около него! Он извлекал из мяса вкусные запахи, делал твердыми концы рогатин, заставлял трескаться камни, он подбадривал людей в дремучих лесах, в бесконечной саванне, в глубине пещер. Это был отец, страж, спаситель; когда же он вырывался из клетки и пожирал деревья, он становился более жестоким и диким, чем мамонты»³⁰.

Основанный на научных взглядах своего времени, роман, безусловно, устарел. Но в художественной форме вполне достоверно передает отношение древнего человека к огню – хранителю и кормильцу.

Важнейшим для понимания места и роли огня в жизни первобытного человека был сохранившийся по сей день и повсеместно распространенный среди народов, пользовавшихся огнем для приготовления еды, обычай «кормить» его. Это, вероятно, один из древнейших ритуалов, производимых человеком, с тех пор как он научился готовить на огне: накормить кормильца. В огонь бросали кусочки пищи, отливали часть питья, в некоторых случаях собирали косточки от животных и птицы. Хакасы, прежде чем садиться за стол, подкармливали духа огня кусочками мяса, сала, кашицы, бросая их в огонь. Перед употреблением хмельных напитков также в первую очередь угощали духов огня и дома³¹. Обские угры (общее название для народов ханты и манси) при посещении любого культового места у костра ставили пищу и спиртное, таким же образом проявляли уважение к огню очага в своем жилище. Якуты отдавали огню не только первую ложку перед приемом пищи, но и остатки ежедневной еды. Как правило, раньше делалось это ежедневно, у некоторых народов сохранилось только в качестве

²⁹ Тайлор Э. Первобытная культура. М., 1989.

³⁰ Рони-старший Ж. Приключения доисторического мальчика. М., 2000. С. 81.

³¹ Потачаков К.М. Культура и быт хакасов, в свете исторических связей с русским народом. Абакан, 1958. С. 96.

поминальной жертвы. И по сей день хозяйки в деревне нет-нет да и бросят остатки пищи в печку, «на всякий случай».

Отметим, что жертвоприношения Древней Греции и Рима могли быть также связаны с отголосками древней традиции кормления огня: жир, мясо и кости жертвенных животных посвящались богам и сжигались в огне. Через посредство огня и дыма они «передавались» божеству, которое, видимо, тоже нуждалось в кормлении. После этого насыщались и участники действия, устраивался пир. У Гомера встречаем многочисленные описания жертвоприношений: по каждому поводу, с просьбой, с благодарностью, на всякий случай, всякий прием пищи сопровождался долей мяса, сжигавшейся на огне. При этом в жертву приносили определенные части животного, чаще всего лучшие:

...Когда же
Черная вытекла кровь и дух ее кости оставил,
Тотчас на части ее разделили и, вырезав бедра
Так, как обычай велит, обрезанным жиром в два слоя
Их обернули и мясо сложили на них остальное.
Нестор сжигал на огне их, багряным вином окропляя.
Юноши, около стоя, держали в руках пятизубцы.
После, как бедра сожгли и отведали потрохов жертвы,
Прочее все, на куски разделив и наткнувши на прутья,
Начали жарить, руками держа заостренные прутья.

(Гомер. *Одиссея*)³²

Очевидно, разного рода предрассудки, связанные с огнем, сложились в глубокой древности. Огонь был грозной силой, мог наказать, а мог быть благодетелем, если его задобрить. Он помогал и творил чудеса. В первую очередь это связано именно с приготовлением пищи. Для этого и был важен «чистый» огонь, отсюда и обычай его «кормления». Огонь – живое существо, готовящее пищу людям, совершавшее это удивительное таинство преобразования, нуждался и сам в хорошем питании. Это было гарантией того, что и человеку огонь подарит еще много пропитания, еще не раз сотворит чудо приготовления вкусной еды.

Отголосок этих верований встречаем и в поздних религиях. Так, в древнеиндийском сборнике предписаний, которые было необходимо выполнять благочестивому индусу, «Законы Ману» указывается на прямую связь между жертвой огню и получением пищи: «жертва, надлежаще брошенная в огонь, достигает солнца, от солнца происходит дождь, затем от дождя – пища живым существам». Там же указывается и на необходимость до последнего поддерживать огонь, даже ценой своей жизни: «...надо поддерживать священный огонь, стоя [днем] и сидя [ночью], и таким образом окончить жизнь»³³.

Большинство религий мира тем или иным образом отразили древнее отношение к огню. Мифы и сказания различных племен, как правило, связывают появление огня у людей с даром тотемного животного. При этом чаще всего огонь похищается, а не отдается добровольно. В одном из австралийских мифов это делает голубь, похищающий огонь у зверька бандикута. В другом это сокол, отнимающий его у водяной крысы. В некоторых мифах кусочек огня отбивают от солнца. В мифах индейцев Северной Америки передача огня людям приписывается койоту, лани, бобру, кролику, лисице, мускусной крысе, ворону, дрозду. Известный этнограф, исследователь религий и мифов мира С. А. Токарев считал, что получение огня людьми от животных неслучайно: «Перед нами – яркий пример характерной черты мифоло-

³² Здесь и далее ссылки даются по: Гомер. *Одиссея*. Перевод В.В. Вересаева. М., 1949.

³³ Законы Ману. М., Наука, 1992. С. 34, 29.

гического мышления: выведение теперешней ситуации из ситуации прямо ей противоположной, существовавшей „некогда“. Если в реальной действительности обладание огнем – один из самых существенных признаков, отличающих человека от животных, то в мифах предполагается наоборот, что было время, когда огнем владели животные, а люди его не имели»³⁴.

В греческой мифологии также прослеживается древнейший мотив похищения огня: это делает защитник людей, герой и титан Прометей, за что его жестоко наказывают боги. Миф рассказывает о том времени, когда люди еще не знали огня, жили в пещерах и ели сырое мясо: «Они как дети были несмышленные», – говорит о них Прометей в известной трагедии Эсхила (Эсхил. Прикованный Прометей. Перевод А. И. Пиотровского). Огонь же принадлежал богам, жившим на Олимпе и пользовавшимся всеми его благами. Юный герой Прометей, сын титана, включенный в сонм избранных, решил помочь людям, влачащим жалкое существование.

Древнегреческий поэт Гесиод (VIII–VII вв. до н. э.) в своей «Теогонии», повествующей о происхождении богов, описывает противостояние между Зевсом и Прометеем. Для начала Прометей, «на выдумки хитрый», решил обмануть Зевса в споре, какую часть жертвенного животного отдавать богам, а какую оставлять людям:

«Тушу большого быка Прометей многохитрый разрезал
И разложил на земле, обмануть домогаясь Кронида.
Жирные в кучу одну потроха отложил он и мясо,
Шкурою все обернув и покрывши бычачьим желудком,
Белые ж кости собрал он злокозненно в кучу другую
И, разместивши искусно, покрыл ослепительным жиром».

Зевс выбрал жирненькую часть, которая на деле оказалась голыми бычачьими костями:

«С этой поры поколенья людские во славу бессмертных
На алтарях благовонных лишь белые кости сжигают».

Разозлившийся громовержец решил, что в наказание люди будут есть доставшиеся им мякоть и потроха сырыми:

«Силы огня неустанной решил ни за что не давать он
Людям ничтожным, которые здесь на земле обитают».

Однако Прометей (став из «хитроумного» «благороднейшим») и в этом случае обманул грозного Зевса:

«Неутомимый огонь он украл, издалека заметный,
Спрятавши в нартексе полом. И Зевсу, гремящему в высях,
Дух уязвил тем глубоко. Разгневался милым он сердцем,
Как увидал у людей свой огонь, издалека заметный».

(Гесиод. Теогония. Перевод В. Вересаева)

Упоминаемый нартекс иначе называется «гигантский фенхель», хотя является тростником, а к съедобному растению фенхель никакого отношения не имеет. Такова вкусная история похищения Прометеем огня, в которой попутно решается и немаловажный вопрос о том, что жертвовать богам, а что оставлять себе. Кстати, жертвы огню во многих народах соверша-

³⁴ Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. Т. 2. С. 239–240.

ются именно костями животных. Возможно, и здесь мы имеем дело с древнейшей традицией, когда мясо было слишком большой ценностью, а «кормить» огонь чем-то было нужно. Кости же животных, в том числе и обгоревшие, встречаются на стоянках позднепалеолитического человека в изобилии.

Огонь как грозная, уничтожающая, жестокая и одновременно очистительная, охранительная и благая сила сохранился и в христианстве. Огонь – это наказание грешникам, вечная мука, от которой нет избавления. Ад представляется как место, наполненное огнем, в котором горят грешники. Его называют «печь огненная» (Матф. 13:42), «озеро огненное» (Апокр. 20:10). В русском языке ад называли словом «пекло». Исследователи прослеживают связь между часто встречающимся в Библии понятием «геенна огненная», как символом судного дня, с реально существовавшей к югу от Иерусалима «Долиной Хинном». Это было место, где в древние времена приносились жертвоприношения, а позже оно стало местом свалки мусора и непогребенных трупов, там постоянно горел огонь для уничтожения гниения³⁵. Наказание грешников после смерти огнем есть и в иудаизме, и в исламе («А [грешники] несчастные – в огне, для них там вопли и рев»; Коран, 11:108).

Однако и божественное начало ассоциируется с огнем, так дух святой предстает как «разделяющиеся языки, как бы огненные» (Деян. 2:3). На Пасху каждый год в Иерусалиме зажигается Благодатный огонь. Перед иконами зажигают лампы, как символ почитания святых, обычай, который относят к Византии эпохи императора Константина: «По традиции, заимствованной у язычников, иконы украшали цветами и возжигали перед ними светильники, по-гречески – лампы»³⁶. Поминая мертвых или прося о благополучии живых, зажигают свечи. Огонь – это способ общения с высшими силами, дорога к невидимому и недоступному для понимания.

³⁵ См. Мифы народов мира. Т. 1. С. 269.

³⁶ Кузищин В.И. История Древнего Рима. М., 1993. С. 273.

4. Древняя Кормилица всего сущего

Рассматривая роль огня-кормильца в жизни первобытного человека, нельзя не вспомнить о важных находках, относящихся к верхнему палеолиту. Речь идет о фигурках женщин, получивших романтическое название «палеолитические Венеры». Эти миниатюрные статуэтки (размер колеблется в пределах 3–25 см), которые находят по всей Евразии от Франции до озера Байкал, имеют между собой поразительно много общего. Относятся они к периоду 20–30 тысяч лет до н. э., хотя древнейшую, так называемую Венеру из Холе-Фельс, найденную в Германии, относят к более раннему периоду – 35–40 тысяч лет назад. Изготавливали такие фигурки из костей, бивней, мягких пород камня, встречаются и фигурки из обожженной глины, первый в истории пример ее искусственного использования. На территории нашей страны самая большая коллекция Венер представлена на воронежской стоянке Костенки (10 фигур из известняка и бивня мамонта) и иркутской Мальте (более 30 фигурок, в основном из бивня мамонта). Последняя является самым восточным ареалом нахождения подобных статуэток.

Изображенных на них женщин не назовешь миниатюрными, в основном все они отличаются пышными формами, так что сомнений в том, что перед нами именно женщины, нет никаких. Женское начало подчеркивается и даже утрируется – грудь, бедра, ягодицы, живот имеют преувеличенные размеры (некоторые исследователи даже полагают, что это изображения беременных или больных женщин). Фигурки эти, что особенно важно, нередко находят у очагов, иногда в тайниках рядом с очагом. Некоторые фигурки, например в поселении Мальта, имеют отверстие в ногах, скорее всего их носили на шнурке на шее.

Делалось много предположений относительно того, кого изображают эти сверхженственные женщины. Одни видели в них богинь плодородия, воплощение культа женщины (М. Герасимов), другие – символы объединения рода, «женщин-прародительниц» (П. Ефименко), исполнительниц охотничьих обрядов (С. Замятин), сверхчеловеческих существ, владычиц природных сфер и явлений, связанных и с культом мертвых (А. П. Окладников). Наиболее интересной представляется версия этнографа С. Токарева, считавшего пышнотелых женщин хозяйками очага и хранительницами огня.

Известно, что у многих народов, готовивших пищу на открытом огне, сохранялся культ так называемой матери огня. Сакральное отношение к огню, о котором говорилось ранее, персонифицировалось чаще всего именно в женском облике. Примеров можно привести великое множество. Хозяйка огня у хакасов иногда «белая красивая, обнаженная женщина», иногда полная женщина в пестром платье и платке, но чаще всего седовласая старушка. Отметим, что огонь чаще всего персонифицировался в образе именно старой женщины.

Как и положено, хакасы хозяйку обязательно кормили, делали это каждое утро перед началом дня. По хакасским поверьям: «Когда огонь свистит, это означает, что хозяйка огня захотела кушать». Характерно, причем для многих культур, что через хозяйку огня пища передавалась и другим духам: хозяевам гор, воды и т. д. Она же помогала в охоте: «В тайге мужчины, когда начинают промысел, в первую очередь кормят хозяйку огня. Она помогает в добыче зверей. Благодаря ее помощи, за зверями не надо будет далеко ходить»³⁷.

У народов ханты и манси существовало почитание «матери огня», «огненной старухи». В селькупской сказке она старуха, «кожа ее как огонь горит». У эвенков она «бабушка». По наблюдениям известного специалиста по верованиям эвенков этнографа А.Ф. Анисимова, «Хозяйка чума, прежде чем кормить семью, кормила духа чумового огня, бросая в огонь наиболее лакомые кусочки и приговаривая: „На, ешь, сыта будь, зверя дай, чтобы сыто было!“

³⁷ Бурнаков В.А. Указ. соч. С. 34.

Встречая оленье стадо, хозяйка обращалась к той же „бабушке“ с просьбой: „Стереги лучше, сделай так, чтобы стадо больше стало“»³⁸. При перекочевке хозяйка сама переносила золу от старого очага на новое место и почтительно приглашала «бабушку» поселиться в новом жилье.

Ситуация, связанная с функцией женщины как хранительницы очага, более или менее ясна. Что касается условных изображений людей, часто женских, выполненных в виде статуэток, то их можно встретить в обрядах народов разных регионов.

У многих народов Сибири и Дальнего Востока долгое время сохранялась традиция вырезать из дерева так называемых «болванчиков». Болванчики эти выполняли самые разные функции, их считали хранителями дома, очага, совершив преступление – вырезали болванчика и уносили в лес. С. П. Крашенинников во время своего путешествия по Камчатке в 1730-е годы отмечал, что камчадалы в юртах хранят так называемых «болванчиков». Почтения им местные народы особого не оказывали, но «кормили» каждый вечер. Он отмечал, что одни болванчики «в потолок над очагом тыкаются», другие воплощают «тех бесов, кои в женской их пол вселяются во время плясания», а третьих вырезают на праздник (аж в количестве 55 штук), сажают в ряд, кладут перед каждым ложку с едой. Когда же считают, что они поели, связывают их в пучок и «с воплем и плясанием в огонь бросают»³⁹.

У чукчей и коряков существовали деревянные фетиши, изображавшие женщину; считалось, что они охраняют семейное благополучие, оленьи стада (т. е. главный источник существования и пропитания). Алтайцы изготавливали тряпичные куклы, называемые «бабушка», которые передавались по наследству по женской линии⁴⁰. Исследователи чаще всего истолковывают такого рода явления как культ женских предков.

Обские угры изготавливали особые куколки на всех этапах жизни женщины от рождения до смерти. Обращает особое внимание тот факт, что куклы эти не имели лица (как и палеолитические Венеры), чтобы в них не вселились «духи»⁴¹.

Известно о существовании каменных амулетов у коряков, называли их весьма характерно «аняпэль», что буквально означало маленькая бабушка. С его помощью гадали при наречении имени новорожденному, подвешивая особым образом. После гадания его «кормили», смазывая жиром оленя, украшали бусинами⁴².

На местах святилищ нередко встречаются деревянные идолы, часто они воплощают дух хозяйки места. Так, хорошо известно изображение Духа хозяйки полуострова Ямал.

Итак, палеолитические Венеры – женщины с ярко-выраженными, подчеркнутыми женскими формами, находившиеся рядом с очагом или в закутке для хранения предметов первой необходимости (вряд ли в первобытных жилищах хранили в специальных углублениях что-то кроме самого важного), скорее всего являлись покровительницами домашнего хозяйства, которое уже в тот период стало прерогативой женщины. Дух хозяйки дома в первую очередь отвечал за приготовление пищи и все, что с этим связано, в том числе и за очаг, важнейший инструмент готовки. Еда была главной ценностью в то время, чудом и таинством, ее приготовление – само по себе магическим обрядом. Испорченная в процессе приготовления пищи, добытая или сохраненная с величайшим трудом, становилась несчастьем для семьи. Неудивительно, что женщина, занимавшаяся готовкой, нуждалась в «поддержке» магических сил не меньше, чем мужчины, занимавшиеся охотой. Это покровительство ей оказывала маленькая «хозяйка», бывшая всегда рядом. Может, поэтому ее в некоторых случаях носили на шее в

³⁸ Анисимов А.Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. М.; Л., 1958. С. 94–95.

³⁹ Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949. С. 416–419.

⁴⁰ Токарев С.А. К вопросу о значении женских изображений эпохи палеолита // «Советская археология», 1961, № 2. С. 556.

⁴¹ Золотарева Н.В. Антропоморфизация в традиционной культуре обских угров // Вестник Томского университета. Культурология и искусствоведение. 2012, № 1(5). С. 11–17.

⁴² Северная энциклопедия. С. 427.

качестве амулета, а то, что она была подвешена за ноги, т. е. висела вниз головой, факт, смущающий многих исследователей неуважением к «великой богине», позволяло «общаться» с ней: приподняв ее и глядя ей в «лицо», можно было с ней «посоветоваться». Ну не говоря уже о том, что пробивать дырку в голове было бы еще большим неуважением.

Позднее, когда приготовление и разнообразие пищи становится делом более обыденным, такие фигурки теряют свое былое значение. Археологические данные более позднего времени, эпохи неолита и энеолита, подтверждают это. Известно немало находок женских статуэток, однако они менее выразительны, более схематичны, их роль уже более обыденная. Позже они трансформируются в «болванчиков», «кукол», «бабушек», начинается дробление функций, хотя многое и сохраняется, пусть и в новых формах. Отмечу также, что возможно и такое странное суеверие, как «куриный бог», т. е. камешек с дыркой, который некоторые и по сей день, пусть и в шутку, вешают на шею, тайно надеясь на удачу и везение во всех делах, является отголоском старинной традиции носить с собой «хранительницу». Тем более что курица является своего рода женским символом.

Хозяйка дома и очага в поздних верованиях предстает в образе старухи, что еще важнее – «бабушки». Кто, как не старшее поколение женщин, является хранителем хозяйственного опыта поколений, кто, как не бабушка, учит подрастающее поколение искусству приготовления пищи. Все эти деревянные, кожаные и тряпичные куклы у разных народов всегда находятся во владении женщин, именно им они помогают в непростом деле ведения хозяйства, готовки, кормления всей семьи.

Саму «хозяйку» обязательно кормят, за это она кормит остальных духов-покровителей людей, кормление – главная функция хозяйки, а также следит за тем, чтобы людям сопутствовала удача в обеспечении себя едой. Она хранит и поддерживает очаг, оберегает стада оленей, помогает в добыче зверей.

Русские народные сказки также сохранили древнюю память о женской помощнице. В сказке «Василиса Прекрасная» купчиха, умирая, дарит дочке куколку и завещает: «...когда приключится какое горе, дай ей поесть и спроси у нее совета». Вскоре помощь понадобилась: злая мачеха взвалила на плечи нелюбимой падчерицы всю домашнюю работу. Хорошо, что у Василисы была ее куколка: «Без этого где бы девочке сладить со всею работою! Зато Василиса сама, бывало, не съест, а уж куколке оставит самый лакомый кусочек, и вечером, когда все улягутся, она запрется в чуланчике, где жила, и потчевает ее, приговаривая: „На, куколка, покушай, моего горя послушай...“». Куколка покушает, да потом даст ей советы и утешает в горе, а наутро всякую работу справляет за Василису; та только отдыхает в холодочке да рвет цветочки... Хорошо было жить ей с куколкой». Куколка, помощница по дому и утешение в беде, помогла Василисе справиться с хозяйством и в доме Бабы-яги. Потом Василиса и царевной стала, и мужа, и богатство получила, «а куколку по конец жизни своей всегда носила в кармане» (104).

Сохранила человеческая память и еще один женский образ – странный, таинственный, противоречивый и вполне первобытный. Это персонаж славянских сказок Баба-яга. Надо отметить, что страшные старухи, живущие в лесу и чаще всего ворующие детей, чтобы их съесть, встречаются и в сказках других стран. Но только славянские сохранили этот образ во всей его яркости и древности.

Начать надо с того, что Баба-яга (она же Яга Ягишна, Баба Яга, яга-баба, известна и под другими именами) – существо очень многоплановое. Еще В. Пропп отмечал три типа Бабы-яги: яга-дарительница, помогающая героям, яга-похитительница, крадущая детей и пытающаяся их изжарить в печи, и яга-воительница, избивающая героев, как правило своим пестиком⁴³. Это только в общих чертах, а так ее функции в сказках гораздо разнообразнее. При всей ее

⁴³ Пропп В. Исторические корни волшебной сказки. М., 2000. С. 36.

противоречивости (а исследователи неумоимо выдвигают совершенно разные теории относительно сущности и назначения этой старухи) мы знаем о Бабе-яге довольно много.

Живет она в избушке на курьих ножках (или «на козых ножках, на бараньих рожках», или «турьей ножке, на веретяной пятке», а иногда «куричьей голяшке» или «петушьей голяшке»)⁴⁴. Порой эта избушка выглядит устрашающе: «Василиса прошла всю ночь и весь день, только к следующему вечеру вышла на полянку, где стояла избушка яги-бабы; забор вокруг избы из человеческих костей, на заборе торчат черепа людские, с глазами; вместо дверей у ворот – ноги человечесьи, вместо запоров – руки, вместо замка – рот с острыми зубами. Василиса обомлела от ужаса и стала как вкопанная» (104). Но чаще всего просто избушка на ножке, которая подчиняется магическому заклинанию, известному всем сказочным героям: «Избушка, избушка! Стань к лесу задом, а к нам передом». Кстати, охотничьи домики на высоком шесте (очень похожем на ногу) были широко распространены в Сибири и на Русском Севере.

Жительница избушки часто имеет подчеркнутые женские формы: «Вошел в избушку Иван гостинный сын, а там лежит Баба-яга костяная нога, из угла в угол, титьки через грядку висят» (224). «Яга Ягишна, Овдотья Кузьминишна, нос в потолок, титьки через порог...»⁴⁵. Сразу обратим внимание, речь идет именно о грудях, т. е. подчеркивается кормящий, а не детородный орган.

Магические возможности Бабы-яги разнообразны. Она владеет разными волшебными предметами: клубочком, указывающим дорогу, богатырским конем, которому не страшны ни огонь, ни вода, мечом, не знающим поражения, золотыми молодильными яблоками, сапогами-скороходами, ковром-самолетом, Моголь-птицей, которая может доставить героя в любое место, живую и мертвую водой. Она хранительница волшебного огня, который может сжечь злую мачеху и принести счастье Василисе. Она всегда знает, где найти украденную героиню, как к ней добраться и как ее отвоевать у врагов, которые, кстати, часто являются ее же родственниками. Она своего рода посредник между миром простых людей и иным, сказочным.

Баба-яга – властительница леса и всего живого. В сказке о Кощее Бессмертном младшая сестра отправляет Ивана-царевича к старшей: «Впереди по дороге живет моя бóльшая сестра, может, она знает; есть у ней на то ответчики: первые ответчики – зверь лесной, другие ответчики – птица воздушная, третьи ответчики – рыба и гад водяной; что ни есть на белом свете – все ей покоряется» (157). Она повелевает и стихиями: «Вышла старуха на крыльцо, крикнула громким голосом, свистнула молодецким посвистом; вдруг со всех сторон поднялись, повеяли ветры буйные, только изба трясется!» (272). А Василисе сообщает, что и день, и ночь, и солнце у нее в услужении: «Я хочу спросить тебя, бабушка, только о том, что видела: когда я шла к тебе, меня обогнал всадник на белом коне, сам белый и в белой одежде: кто он такой?» – «Это день мой ясный», – отвечала Баба-яга. «Потом обогнал меня другой всадник на красном коне, сам красный и весь в красном одет; это кто такой?» – «Это мое солнышко красное!» – отвечала Баба-яга. «А что значит черный всадник, который обогнал меня у самых твоих ворот, бабушка?» – «Это ночь моя темная – все мои слуги верные!» (104).

Такая многоплановость, неоднозначность и противоречивость Бабы-яги ставит исследователей в тупик. Кто-то считает ее сторожем потустороннего мира, кто-то – повелительницей всего живого, кто-то – самой мать-сырой-землей. Скорее всего, Баба-яга воплощает в себе самые разные начала и никакого противоречия здесь нет. Это образ древнейший, первобытный, относящийся к тому времени, когда не было еще религий и даже просто сложившейся системы верований, а следовательно, и отсутствовало четкое разделение по магическим функциям. Это позже божества и духи отвечали каждый за свой «участок», что отражало сформирова-

⁴⁴ Великорусские сказки Пермской губернии // Сборник Д.К. Зеленина. М., 1991. С. 60, 61; Сказки Заонежья. Петрозаводск, 1986. С. 194; Даль В.И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. СПб, 1996. С. 324.

⁴⁵ Пропп В. Исторические корни... С. 56.

ровавшееся разделение труда в обществе и вообще социальную стратификацию. В древности рождение, жизнь и смерть были неотделимы друг от друга. И были едины для всего сущего – людей, животных, птиц, земли, ветра, огня, воды. Как любая стихия, Баба-яга могла помогать, спасать, оживлять и губить, уничтожать, убивать.

Как любую стихию, ее надо было кормить. Баба-яга в сказках прожорлива: «...начала таскать из печки да подавать яге кушанье, а кушанья настряпано было человек на десять; из погреба принесла она квасу, меду, пива и вина. Все съела, все выпила старуха» (104). Не гнушалась Баба-яга и человечиною, что нисколько не противоречит ее древнему облику. Даже если не касаться вопросов человеческих жертвоприношений и людоедства, были еще и брошенные или потерявшиеся дети, а также пропадавшие люди, не возвращавшиеся к племенному очагу. Что было естественней всего предположить древнему человеку? Что их поглотила мать-сыра-земля, костяная нога, прожорливая, ненасытная старуха.

Но Баба-яга не только и не столько ест, сколько кормит сама. Еда в системе единства жизни всего сущего играла важнейшую роль. Чтобы существовать, все должно питаться, как уже отмечалось, в древности это относилось ко всему, что есть на земле, включая огонь, ветер, кукол-болванчиков и прочего. Поэтому кормление является важнейшей функцией Бабы-яги. Она, прежде всего, – Хозяйка, и это главная ее суть и ипостась. Поначалу старуха в сказках, как правило, настроена по отношению к герою подозрительно или даже враждебно. Но он знает магическую фразу и напоминает ей о ее обязанностях хозяйки. И тут происходит преображение: Баба-яга просто не может отказать герою в кормлении, а разделив пищу, не может отказать и в помощи. Совместный прием пищи – нерушимый закон гостеприимства, он же создает дружескую связь между сотрапезниками.

Важно и то, что совместный прием еды как бы создает некую степень родства – явление, вероятно, древнейшего порядка. Свидетельством этому являются традиции, сохранявшиеся в XIX веке так называемыми примитивными народами: «Только члены семьи или рода могут участвовать (в трапезе). Если чужеземцу разрешается принимать участие, то этим он принимается в род или становится под его защиту»⁴⁶.

Вот несколько сказочных эпизодов, иллюстрирующих гостеприимство Бабы-яги.

«Входит в нее царевич; там сидит Баба-яга. „Фу-фу! – говорит. – Доселева русского духа видом не видано, слухом не слыхано, а нониче русский дух в виду является, в уста мечется! Что, добрый молодец, от дела лытаешь али дела пытаешь?“ – „Ах ты, старая хрычовка! Не ты бы говорила, не я бы слушал. Ты прежде меня напой-накорми, да тогда и спрашивай“. Она его напоила-накормила, вести выспросила и дала ему своего крылатого коня: „Поезжай, мой батюшка, к моей средней сестре“» (172).

«Увидала его Баба-яга и говорит: „Доселева русского духа слухом было не слыхать, видом не видать, а ныне русский дух воочью проявляется! Отколь идешь, добрый молодец, и куда путь держишь?“ – „Эх ты, старая ведьма! Не накормила, не напоила прохожего человека, да уж вестей спрашиваешь“. Баба-яга поставила на стол напитки и наедки разные, накормила его, попоила и спать уложила, а поутру ранехонько будит и давай расспрашивать» (224).

«Увидя Ивана-царевича, Баба-яга сказала: „Фу-фу-фу! Как доселева русского духу слухом не слыхано, а нынче русский дух воочью совершается. Зачем ты, добрый молодец Иван-царевич, сюда зашел, волею или неволею? Я здесь живу уже сорок лет, а никакой человек мимо меня не прохаживал, не проезживал, ни зверь не прорыскивал, ни птица не пролетывала; а ты как сюда забрел?“ – „Ох ты, глупая старая баба! – в ответ сказал Иван-царевич. – Ты прежде меня, доброго молодца, напой-накорми, да тогда и спрашивай“. Яга-баба тотчас вскочила, собрала на стол, напоила, накормила царевича и в бане выпарила и стала опять спрашивать: „Как ты сюда зашел, добрый молодец, волею или неволею?“» (562).

⁴⁶ Nilsson M.P. Primitive Religion. Tübingen, 1911. P. 75. Цит. по Пропп В. Исторические корни... С. 276.

Даже Василисе, не произнесшей магической ритуальной фразы, Баба-яга все-таки оставила самую малость на пропитание: «только щец немножко, краюшку хлеба да кусочек поросятины». А в одной сказке об Иване-дураке еще и «брякнулась о землю, сделалась красавицей», чтобы, видимо, было приятно с ней за одним столом сидеть⁴⁷.

С едой связаны и другие славянские бабы-яги. В словацкой сказке «Заколдованный замок» Баба-яга, хотя намерения у нее не слишком добрые, героя первым делом кормит, «встречает ласково, обедать сажает. Накрывает на стол, ставит миски, а сама бежит в кухню за похлебкой». А в чешской она называется «красная Баба-яга» и является героине в трудную минуту. Что важно: пытаюсь разгадать непонятные слова старухи, герой вспоминает, что «красная баба всегда сидела в кухне на чурбаке», т. е. место ее обитания на кухне. Под этим чурбаком и находят клад (Сказка «Ян Деда и красная Баба-яга»)⁴⁸.

Злая колдунья, подчиняющаяся законам гостеприимства, встречается у разных народов. Так, в чукотской сказке всемогущая Катгыргын – повелительница рыб, животных и даже растений – могла превратить человека в любое животное, творила людям зло. Она старуха – «худая, горбатая, нос крючком, голова торчком, зубы как клыки у моржа – длинные-предлинные». Зablудившегося охотника она хочет сделать своим слугой:

«Ладно, – говорит, – согласен. Только накорми меня сначала.

Тряхнула старуха волосами – тут сразу оленья упряжка появилась. А на нартах всевозможные кушанья – и тюленья печенка, и оленина, и мясо вяленое, что копальхой называется. Все перепробовал Тынэн, наелся досыта и еще за пазуху кое-что сунул!»⁴⁹.

В великорусских сказках Пермской губернии, записанных Д. К. Зелениным в 1908 году, есть сказка «Ювашка Белая Рубашка». Она груба и порой нелогична, но в ней Баба-яга не просто кормилица, она и производительница еды, живое, хотя и физиологически неприятное воплощение пищи. «Яга Ягишна лежит, в стену уперла ногами, а в другу головой. – „Фу-фу! – русского духу отроду не слыхала, русский дух ко мне на двор пришел?..“ – Сказал он: „Напой, накорми, тогда у меня вестей расспроси!“ – Она сейчас п...ула, стол поддернула, б...ула, шей плеснула, ногу подняла и пирог подала, титечками потрясла и молочка поднесла, ножки взяла и ложки подала». Вся эта не слишком аппетитная процедура повторяется трижды, у трех сестер, и Ювашка с удовольствием ест у всех трех.

В другой сказке (и у другого рассказчика), шутовском варианте Царевны-лягушки, сказочная формула звучит схоже: «Яга-баба п...ула, стол поддернула, б...ула, шей плеснула, на корячки стала, луковку достала...».

Потом начинается неразбериха. Ювашка убивает братьев баб-яг, Идолиц многоголовых, на обратном пути заходит к каждой, подслушивает про готовящиеся ему козни, благодарит каждую: «Спасибо, стара сука, на старой хлебе-соли!» («Что накормила его», поясняет рассказчик). Убивает двоих и заковывает в железа третью. И вновь уже с друзьями оказывается у Яги Ягишны, сватать ее дочь, и вновь повторяется вышеописанный ритуал, слово в слово. Яга велит им сослужить три службы: съесть 10 пудов хлеба, выпариться в перетопленной бане, выпить все посуды воды. Т. е. гостеприимство и кормление в утрированном виде принимают форму свадебного ритуала. К счастью, у Ювашки были с собой помощники, евщие, парившиеся и пившие без меры. В итоге Ювашка женился на дочери Ягишны и привез их обеих (и мамку Ягишну в облике кобылы захватил!) к себе домой⁵⁰.

Интересную параллель находим в японской мифологии. Там существует богиня еды, известная под разными именами – О-гэцу-химэ, Укэмоти-но ками и другими, «дева-богиня

⁴⁷ Даль. О поверьях, суеверьях... С. 325.

⁴⁸ Словацкие сказки // Из собрания Павла Добшинского в обработке Марии Дюричковой. Братислава, 1988. С. 56. URL: <http://hobbitaniya.ru/czech/czech65.php>.

⁴⁹ Сказки народов Севера. Л., 1991. С. 63.

⁵⁰ Великорусские сказки Пермской губернии. С. 61.

великой пищи». Она не просто покровительствует пище, она ее производит в прямом смысле и ничуть не более приятным способом, чем наша народная Баба-яга. Согласно одному из мифов, бог луны Цукуёми (Тукуёми) был послан своей сестрой, богиней солнца Аматаэрасу, на поиски богини пищи. Найдя ее, Цукуёми вошел в ее жилище и был приглашен к трапезе: «Вот Укэ-моти-но ками головой вертит: повернет в сторону страны – выходит из рта вареный рис, повернет в сторону моря – выходит из рта то, что с плавником широким, и то, что с плавником узким, повернет в сторону гор – выходит из рта то, что с грубым волосом, и то, что с мягким волосом. Вот все эти вещи всех видов на сотню столиков были поставлены и в дар поднесены». Т. е. богиня угощала гостя главными видами пищи: злаками (рисом), рыбой и мясом животных. Но гость оказался неблагодарным: «И разгневался тогда Тукуёми-но ками и, раскрасневшись, так сказал: „Это скверно и унижение. Какова дерзость – кормить меня тем, что выплюнуто из твоего рта!“ Сказавши так, он вынул меч, ударил и убил [тем мечом] Укэ-моти-но ками». Из убитой богини произошли: из головы «коровы и лошади, из лба – просо, из бровей – тутовые коконы, из глаз – куриное просо хиэ, из чрева – рис, из потайного места – пшеница, бобы и фасоль»⁵¹. В итоге богиня-солнце навсегда поссорилась с братом-луной, а появившуюся в результате гибели еду использовала для прокормления богов и людей. Вот и получается: наш Ювашка-Ивашка умнее, он не побрезговал едой, «произведенной» Бабой-ягой, и получил все, что хотел в жизни.

Японская богиня пищи под разными именами известна и по другим мифам. Так, согласно «Кодзики» (буквально «Записи о деяниях древности»), один из важнейших японских богов Сусаноо, ставший причиной сокрытия богини солнца Аматаэрасу в Небесной пещере, «изгнан божественным изгнанием» и просит еды у богини Оогэцухимэ. Та вынимает яства из рта и носа и начинает стряпать, но Сусаноо, решив, что она хочет испортить еду, убивает богиню. Из головы убитой Оогэцухимэ рождаются шелковичные черви, из глаз – рис, из ушей – просо, из носа – красная фасоль, из гениталий – пшеница, из зада – соевые бобы⁵². Следы культа этой богини и обряды, посвященные ей в определенные дни, сохранились в Японии по сей день.

Появление пищи для прокормления рода человеческого в мифах народов мира имеет много общих закономерностей, что позволяет делать вывод о древности и универсальности этого явления, уходящего корнями в доисторическое прошлое. Создание и производство еды (именно так, а не добыча и результат труда, что уже позже связалось с мужской сущностью), как правило, связано с женским образом. Т. е. изначально Великая богиня-мать, богиня-земля, богиня-любовь, богиня-плодородие и т. д., которая присутствует во всех мифологиях с древнейших времен, была в первую очередь кормилицей всего сущего, т. е. дающей и поддерживающей жизнь человеческого рода и мира, его окружавшего. Именно кормилицей, а не матерью, так как эти функции не всегда совпадают. Она не была прекрасна, как многие из ее последующих воплощений, она была стихия – страшная, пугающая, грозная, истребляющая, но и дающая жизнь в виде пищи.

Пищу она производила тремя путями. Первый, он представляется самым древним, – просто из ничего, из самой себя, взмахнув рукой, из своего пота, выплюнув или другими еще более неприятными способами. Для создания еды ей не нужно ничего, она сама является ее воплощением. Так появляется из ничего еда в русских и славянских сказках, в мифах народов Русского Севера, в японском сказании о богине пищи. Обо всем этом говорилось выше. Видимо, это отражение идеи материнского вскармливания: пища младенцев создается в теле матери и является первой пищей детей человеческих (и не только).

Второй, оказавший большое воздействие на последующее мировоззрение человека и, видимо, подвергшийся воздействию более поздних верований, заключается в том, что пища

⁵¹ Нихон сёки – анналы Японии. Т. 1. М.: Гиперион, 1997. С. 130.

⁵² Норито. Сэммё. М. Наука. 1991. С. 97.

появляется в результате гибели богини или какого-то другого существа. Жизнь в этом случае становится продолжением смерти, они неразрывно связаны и перетекают одно в другое. Более того, появление пропитания, а следовательно, и сама жизнь возможны только как результат смерти. Неслучайно в сложившихся мировых религиях богиня (или иногда уже и бог) плодородия нередко является и богиней подземного царства мертвых. Так, Хаинувеле, одна из божественных дев в мифологии восточной Индонезии, была убита односельчанами. Из частей ее тела, разрубленных и закопанных в разных местах, выросли разнообразные корнеплоды, являющиеся важнейшим источником пропитания местных жителей⁵³. В русских сказках из частей тела убитой героини вырастает яблоня с золотыми яблочками. Наконец, знаменитое библейское «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (от Иоанна, 12:24) – также отголосок древнейшей идеи воскрешения через смерть. Причем если рассматривать это высказывание в прямом, а не метафорическом смысле, то оно также связано с едой, если зерно в земле не «погибнет», не начнет разлагаться, не вырастет новый колос.

Наконец, третий, наиболее поздний способ мифологического «создания» человеческой пищи, скорее всего появившийся уже в эпоху начала земледелия и скотоводства, заключается в том, что божество или ее посланник рождает пищу тем же путем, что и человека и животных. В неолитическом поселении Чатал-Хююк, относящемся к VIII–VI тысячелетию до н. э., найдены глиняные женские фигурки, в одном случае древнее женское божество рождает быка, в другом барана. В английской мифологии прародительницей еды является волшебная свинья: «И на Пшеничном Поле в Гвенте она разрешилась пшеничным семенем и пчелой. И поэтому с того дня и до сих пор Пшеничное Поле в Гвенте – это лучшее место для пшеницы и пчел. И в Ллонионе в Пембруке она разрешилась зерном ячменя и зерном пшеницы. Поэтому и вошел в поговорку ячмень из Ллониона»⁵⁴.

Представление о еде как об источнике жизни воспринимается в древних мифах и сказаниях и буквально – еда дает новую жизнь, она входит в человека, а выходит новым существом. Неслучайно во многих мифах и сказках еда – лучшее средство от бесплодия или способ появления на свет божественных существ. Многие исследователи древних верований считают, что прием пищи символизирует половой акт.

Так, в русских сказках порой, чтобы забеременеть, нужно съесть рыбу или какой-нибудь плод: «Кухарка вычистила ерша, вымыла и сварила, помой на двор выставила; по двору ходила корова, те помой выпила; рыбку съела царица, а посуду кухарка подлизала. И вот разом забрюхатели: и царица, и ее любимая кухарка, и корова, и разрешились все в одно время тремя сыновьями: у царицы родился Иван-царевич, у кухарки – Иван кухаркин сын, у коровы Иван Быкович» (137).

«Король приказал эту щуку вымыть, вычистить, изжарить и подать королеве. Поварá щуку чистили да мыли, помой за окошко лили: пришла корова, ополощины выпила. Как скоро повара щуку изжарили, прибежала девка-чернавка, положила ее на блюдо, понесла к королеве, да дорогой оторвала крылышко и попробовала. Все три понесли в один день, в один час: корова, девка-чернавка и королева» (136).

«Вот поймали леща златоперого, отдали в кухню изжарить; поварка вычистила, вымыла леща, кишки собаке бросила, помой отдала трем кобылам выпить, сама оглодала косточки, а рыбу царица скушала. Вот разом родили: царица сына, и поварка сына, и собака сына, а три кобылы ожеребились тремя жеребятами. Царь дал им всем имена: Царенко Иван, Поваренко Иван и Сученко Иван» (139).

⁵³ Мифы народов мира. Т. 2.

⁵⁴ Легенда о Тристане и Изольде. М.: Наука, 1976. С. 13.

Иногда, правда, сказки обходятся без долгого процесса ожидания, просто сама еда, приготовившись, становится ребенком: «Говорит раз старик: „Старуха, поди купи репку – за обедом съедим“. Старуха пошла, купила две репки; одну кое-как изгрызли, а другую в печь положили, чтобы распарилась. Погодя немного слышат – что-то в печи кричит: „Бабушка, откутай; тут жарко!“ Старуха открыла заслонку, а в печи лежит живая девочка. „Что там такое?“ – спрашивает старик. „Ах, старик! Господь дал нам девочку“. И старик и старуха крепко обрадовались и назвали эту девочку Репкою» (141).

Богини (а иногда и боги) в мифах народов мира беременеют от самых разных проглоченных предметов, съедобных и не очень. Еда в данном случае дает и продолжает жизнь в прямом смысле. Великая греческая богиня Афина родилась после того, как ее отец Зевс проглотил свою жену богиню Премудрость. Манджурская династия Китая восходит к небесной деве, которая, купаясь однажды, нашла красный плод, принесенный сорокой: «младшая дева взяла его в рот, внезапно он уже вошел в живот, и она затяжелела и вслед затем родила мальчика»⁵⁵. Героиня карельский Калевалы «красотка дочка» Марьятга «скромницей была отменной». Она «никогда яиц не ела, так как с курицей петух жил», «от овцы не ела мяса, коль жила овца с бараном». Посылала мать Марьятту доить коров, но так отвечала ей дочка: «Никогда такая дева не возьмет коров за вымя, что с быками поиграли...» Запрягал отец Марьятте жеребца в сани, но не хотела она ехать на жеребце, приводил брат кобылу, но говорила стыдливая девица: «Не поеду на кобыле, с жеребцом она играла, жеребенка запрягите, что лишь месяц как родился» (Калевала. Перевод Л. П. Бельского). Съела, наконец, стыдливая дева безобидную ягоду-бруснику на пригорке и родила сына, да не простого, а будущего властителя Карелии. Примеров таких множество.

Древнеегипетская сказка о двух братьях отражает некие общие древнейшие верования, наряду с местными и характерными для своего времени. Ее герой – Бата, обманутый женой, изменившей ему с фараоном. Сердце Бата хранится на вершине кедра (как не вспомнить тут Кошца Бессмертного с его сердцем в ларце на дубе). Слуги фараона срубают кедр, и Бата погибает. Его брат через семь лет находит под кедром зерно, в которое превратилось сердце, стукнувшись о землю, кладет его в воду (живую?), умерший Бата его выпивает с водой и оживает. Затем он обращается в священного быка, которого убивают по желанию любовницы фараона, бывшей жены Бата. Капли крови падают на землю, и рождаются два дерева персии (деревья, распространенные в древности, что-то, видимо, из рода авокадо, если это не путаница с персиками). Деревья шепотом листьев выдают себя своей бывшей жене, и по ее повелению их срубают. Щепка попадает в рот изменщице, и по прошествии соответствующего времени рождается ребенок, новое воплощение Баты. Он вырастает, фараон, считающий его своим сыном, умирает, и тут Бата, наконец, судит открытым судом свою жену-изменщицу (родившую его из щепки) и казнит ее. Такая вот смесь самых разных верований и мифологий, каждый элемент которой – сказочный сюжет, развившийся в разных странах и в разные времена.

Тема старухи-колдуньи, живущей в «пищевых» домиках в лесу, отголосками встречается и в сказках народов мира. У французов это хорошо известный пряничный домик из сказки Шарля Перро: «Когда солнце было уже высоко, Мари и Жан вышли на поляну, посреди которой стоял домик. Необычный домик. Крыша у него была из шоколадных пряников, стены – из розового марципана, а забор – из больших миндальных орехов. Вокруг него был сад, и росли в нем разноцветные конфеты, а на маленьких деревцах висели большие изюмины». В немецком варианте, собранном братьями Гримм, «сделана избушка из хлеба, крыша на ней из пряников, а окошки все из прозрачного леденца». И старушка поначалу детей угощает: «Она взяла их обоих за руки и ввела в свою избушку. Принесла им вкусной еды – молока с оладьями, посы-

⁵⁵ Кюннер И.В. Китайские известия о народах южной Сибири, центральной Азии и Дальнего Востока. С. 265.

паннами сахаром, яблок и орехов»⁵⁶. И в том и другом случае важно то, что, видоизменившись с веками, сказка сохранила ту же идею, что гораздо ярче высвечивается в русских и славянских сказках: в темном глухом лесу, в избушке, живет колдунья, связанная с едой, дом ее сделан из самых вкусных вещей, она угощает голодных гостей, она же является и угрозой для своего рода жертвенных детей. Она кормит и кормится, в этом ее главная функция.

Съедобный домик встречается и в русских вариантах. Так, у В. Даля встречаем «избушку на курьих ножках, пирогом подперта, блином покрыта» (аналогично и в сказках Афанасьева, 97). А в детских садах уже не одно десятилетие развлекают детей частушками:

«В лесочке, в лесочке
Избушка на кочке
Блинами обита,
Оладьями крыта,
Ограда кругом —
Пирожки с творогом».

Впрочем, дому Бабы-яги свойственна та же многоплановость, как и его хозяйке. Его можно съесть. Но и он может съесть. Вспомним, что у него «вместо замка – рот с острыми зубами», дверь иногда кусается, пытаюсь остановить беглецов, а чтобы умиловить дом и все в нем, их надо покормить – маслом ворота, ступу конопляным семенем, мясом собаку⁵⁷.

Баба-яга в сказках особенно агрессивна по отношению к детям, их хочет изжарить себе на пир, причем именно как деликатес, а не потому, что голодна. Их похищает, заманивает, запирает в своей избушке. Есть ли здесь связь с древнейшими жертвоприношениями великой Хозяйке всего сущего? Потому ли, что именно дети чаще всего пропадали в диких лесах древности, да и в более поздние времена? А может быть, потому, что дети не знают ритуальных заклинаний, никогда не обращаются к ней как к Хозяйке, не напоминают о долге гостеприимства? Или здесь уже присутствует более поздний воспитательный момент – у Бабы-яги чаще всего оказываются непослушные дети, нарушившие родительские наказания. Во всяком случае, взрослые герои, как правило, получают от Хозяйки еду и помощь.

Многие атрибуты, приписываемые Бабе-яге, указывают на ее связь с древностью, с одной стороны, и с приготовлением пищи – с другой. Вокруг ее дома торчат черепа на палке, в некоторых случаях звериные, а в других и человеческие. Сохранились свидетельства, что череп служил своего рода оберегом жилища первобытного человека, и, скорее всего, его надевали на шест, хотя дерево с тех времен и не сохранилось. Схожие традиции были зафиксированы в охотничьих культурах и в XIX веке: так, среди народов Сибири было распространено представление о том, что голова дикого животного является вместилищем его души, она занимала почетное место или около жилища, или перед входом, или иногда даже внутри. У различных народов Кавказа во время жертвоприношения «голова животного (обычно козла или барана, а по большим праздникам – быка) посвящалась божеству, ее насаживали на шест неподалеку от алтаря»⁵⁸.

Баба-яга является и хозяйкой огня – главной ценности древнего человека. Более того, ее огонь горит тогда, когда другие огни гаснут и не зажигаются, несмотря на все усилия. Она связана с очагом, печью, она «руками уголья гребет»; «на печке лежит»; «языком сажу загреваю»; «сама лежит на лавке, а зубы на печи»⁵⁹. Ее окружает все необходимое для пригото-

⁵⁶ Перро Ш. Волшебные сказки. М., 1993. С. 102; Гримм В. и Я. Сказки. М., 2005. С. 95–96.

⁵⁷ Неизданные сказки из собрания Н.Е. Онукова. СПб, 2000. С. 206.

⁵⁸ Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета: Этнографические очерки. Л., 1990. С. 139.

⁵⁹ Цит. по: Пропп. Указ. соч. С. 59.

ления пищи: ступа и пест, кочерга и помело, она ловко накрывает на стол, достает посуду и скатерть (гости все-таки, хотя и незваные). В запасе у нее есть и хлеб, и пироги, и похлебка, и всякая живность (поросята, курятина), и напитки всякие. Но чаще всего это просто пища, не конкретизированная, насыщающая героя, дающая ему силы для грядущих подвигов. Большие до утрированности груди, которые подчеркиваются в ее облике, как и в женских фигурках древности, также являются символом вскармливания, питания.

Конечно, сказки – лишь отзвуки былых верований и представлений. Последующие эпохи внесли свои корректировки и исправления. Но связь Бабы-яги с древними символами и с функцией кормления очевидна. Она Хозяйка и кормилица всего сущего. И в этом случае нет никакого противоречия между слиянием образа Бабы-яги и Золотой Бабы, о которой упоминают иностранцы, посетившие Русь в XV–XVI веках. С. Герберштейн (в России побывал в 1517 и 1526 годах) пишет о «Золотой Бабе», которую он транслитерирует как «Slata baba» – «Золотой Старухе», идоле, изваянии старухи с ребенком, стоявшем на берегу Оби. Интересно, что в немецком тексте он заменяет «старуху» понятием «праматерь»⁶⁰.

Вслед за ним английский посланник Дж. Флетчер, посетивший Россию в 1588 году, в главе о пермяках, самоедах и лопарях отмечал: «... что касается до рассказа о золотой, или *яге-бабе* (о которой случалось мне читать в некоторых описаниях этой страны, что она есть кумир в виде старухи), дающей, на вопросы жреца, прорицательные ответы об успехе предприятий и о будущем, то я убедился, что это пустая басня»⁶¹. Далее он указывает на скалу близ устья Оби, похожую на «женщину в лохмотьях с ребенком на руках», месте, судя по его описанию, священном для самоедов.

Как уже отмечалось, баб таких, «Хозяек мест», в Сибири и на Севере России сохранилось много и в более поздние эпохи. Являясь объектом поклонения и почитания различных народов, они в некоторой степени являются отражением некоего общего древнего культа, об остатках которого в разных проявлениях и идет речь. Кстати, в некоторых сказках Баба-яга – «золотая нога» (161) и хранительница золота.

Та первоначальная грозная, но и благодетельная, как любая стихия, богиня (хотя это позднее понятие и не совсем подходит для верований первобытного человека, вернее было бы назвать ее силой или естеством) со временем трансформировалась в разные облики и образы, ее функции дробились и распределялись по богам, божкам и духам. Частица ее есть в загадочной и древней шумерской Ки – богине-матери, воплощении земли; древнеегипетской Исида – великой колдунье, покровительнице семьи и детей, плакальщице над умершими; древнегреческой Кибеле – великой матери богов, олицетворении природы; Деметре – «матери-земле» и в ее дочери Персефоне, которая, подчеркнем, одновременно и кормилица всего сущего, богиня плодородия, и хозяйка царства мертвых; и в славянской богине Макошь, которую называют богиней судьбы, удачи и плодородия. Список этот бесконечен, богини-праматери, хозяйки всего сущего и кормилицы людей встречаются во все времена и во всех уголках земли. Память сохранила великий первоначальный образ и в иных, локальных формах – Бабе-яге, хозяйке очага, хозяйке места.

Завершая тему Бабы-яги – кормилицы, хотелось бы остановиться на двух предметах, связанных и с ее образом, и с приготовлением пищи и, как представляется, принесенных ею из глубокой древности.

Ступа известна как транспортное средство Бабы-яги, она «в ступе едет, пестом погоняет, помелом след замечает». Одновременно это и древнейшее кухонное приспособление, встречающееся еще в позднелептоситическую эпоху. В древнейших поселениях находят так называемые терочные плиты и терки. Это большие куски камня, обычно твердого, составлявшего

⁶⁰ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 160.

⁶¹ Флетчер Дж. О русском государстве. М., 2002. С. 113.

нижнюю часть, будущие ступы, и терочки, будущие песты. Так, в Костенках на Дону, поселения, по времени относящемуся к рубежу среднего и позднего палеолита, собрана большая коллекция такого рода плит из гранита, кварцита, песчаника, пестом-терочником часто служили обыкновенные гальки. Продукты собирательства – дикие зерна, травы, корни – растирали на плитах и готовили из них разные блюда.

Эти древние ступы с пестами свидетельствуют о том, что пища древнего человека была гораздо разнообразнее и сложнее, чем обыкновенно принято считать. Обилие мяса (а на этой же стоянке найдено и огромное количество костей мамонта, свидетельствующее об успешной охотничьей деятельности) отнюдь не исключало растительной пищи, которую традиционно считают подспорьем древнего человека в периоды голода. Здесь уже можно говорить о своего рода сбалансированном и, видимо, вкусном питании, сочетавшем разные виды пищи и способы ее приготовления.

Интересным представляется тот факт, что ступе с пестиком была уготована долгая жизнь. Этот предмет кухонного обихода дошел до наших дней с первобытных времен, причем в первоначальном назначении, для того чтобы толочь различные плоды земли. Упоминания о ступе встречаются на протяжении всей истории, одновременно она обрастает магическими свойствами, видимо как древний символ, связанный с великой Хозяйкой жизни и смерти. Геродот пишет о вавилонянах, питавшихся сушеной рыбой: «Пойманную рыбу они вялят на солнце и затем поступают так: бросают рыбу в ступку и раздробляют пестиком... Потом из этой массы по желанию замешивают сырое тесто или пекут хлеб»⁶². И хлеб, оказывается, может быть разным, и в ступе можно толочь не только растения. Известно, что во время Великой Отечественной войны в ступе толкли высушенные остатки овощей и растений – гнилую картошку, кору деревьев, лебеду, делали из этой смеси тесто для хлеба.

В древнеиндийских Законах Ману упоминаются пять вещей, могущих вызвать смерть, все они первобытная атрибутика древнейшей Хозяйки: очаг, точильный камень, метла, пестик со ступкой, сосуд для воды⁶³. В Ветхом Завете в ступе толкут манну, посланную Богом как спасение голодавшим беженцам из Египта под предводительством Моисея (Числа 11:8). В Притчах Соломона «толочь в ступе» используется в переносном значении: «Толки глупого в ступе пестом вместе с зерном, не отделится от него глупость его» (27:22) (ср. у В. Даля русскую поговорку «Дурака хоть в ступе толки»). Ступа считалась атрибутом славянской Макоши, покровительницы женщин.

Со временем ступа и пест приобрели формы, которые связывались с женским и мужским началом, что укрепило их значение как символа плодородия. Магическое значение ступы сохранялось много тысячелетий. В ней пытались «перетолочь» болезни и несчастья, перевернутая ступа защищала дом от пожаров и прочих бедствий, ее использовали в свадебных и похоронных ритуалах.

Со смертью ступа была связана с древнейших времен. Видимо, неслучайно в латинском языке «ступа» имеет одинаковый корень со словом «смерть» – «mort»; в таком виде она вошла почти во все европейские языки, кроме славянских; а вот пестик везде одинаков, от латинского «pisto» – растирать. Ступы привычной нам формы находят еще в неолитических погребениях.

В славянской традиции ступа широко использовалась и во время свадеб. Испытывая характер молодой, заставляли ее в прямом смысле толочь воду в ступе. Обрядовали ступу в женский, а пест в мужской наряд. Обводили молодых церемониально вокруг ступы, становившейся народным аналогом церковного аналоя. В Белоруссии бытовало шуточное объяснение, откуда берутся дети: «З неба упау, / Да у ступу попау, / А с ступы вылез – / И вот якой выраст»⁶⁴.

⁶² Здесь и далее цитаты по: Геродот. История. М., 1993. С. 75.

⁶³ Законы Ману. С. 33.

⁶⁴ Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 369.

Еще один неперенный атрибут Бабы-яги – кости. Готовя себе пир из очередного неразумного дитяти, она мечтает потом «покататься» на его косточках. Идея, кажущаяся довольно странной – помимо всего прочего, это еще и физически неудобно. В сказочных сюжетах, как и в археологических остатках древности, костей вообще много. В сказках их используют при строительстве дома и ограды Бабы-яги. В истории кости мамонта или других животных были основным материалом при строительстве жилищ эпохи позднего палеолита. В сказках их бережно хранят и они обладают волшебной силой: даже из одной зарытой косточки может вырасти чудесная яблонька или поющий тростник, а иногда и возродиться человек. А рядом с древними поселениями находят множественные «коллекции» костей, сложенных в пещеры или захороненных явно с магической целью⁶⁵. И.-Г. Георги в XVIII веке описал обычаи лопарей и некоторых других народов, которые в качестве жертвоприношения собирают кости приносимого в жертву зверя и несут их к святому месту: «а оттого превеликие скопляются груды костей...»⁶⁶. Иногда их зарывают, если посвящают подземным богам. И никогда не приносят мяса, только кости. Ну как тут не вспомнить Прометея, обманувшего Зевса и давшего возможность несколько тысячелетий спустя лопарям Крайнего Севера России оставлять мясо себе на пропитание, жертвуя только костями!

⁶⁵ См., например, Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1994. С. 98—101.

⁶⁶ Георги И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 2007. С. 58.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.